

КРИСТИН ХАРМЕЛЬ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА «ЗАБВЕНИЕ ПАХНЕТ КОРИЦЕЙ»

ЖИЗНЬ, КОТОРАЯ НЕ СТАЛА МОЕЙ

Кристин Хармель

Жизнь, которая не стала моей

Издательство «Синдбад»

2015

УДК 821.111(73)
ББК 84(7)-44

Хармель К.

Жизнь, которая не стала моей / К. Хармель — Издательство
«Синдбад», 2015

ISBN 978-5-00131-013-6

Найти в жизни любовь – большая удача. Встретить ее дважды – настоящее чудо. Кейт живет в Нью-Йорке и лечит людей – она специалист по музыкальной терапии. Лишь спустя годы после трагической смерти мужа Кейт снова смогла поверить в возможность счастья. Ее новый избранник – прекрасный человек. Близится день свадьбы, но с Кейт начинают происходить странные вещи. Ей упорно снится один и тот же сон, в котором Патрик не погиб и у них есть дочь по имени Ханна. Пытаясь расшифровать скрытый смысл своих сновидений, Кейт совершит много поразительных открытий, которые полностью перевернут ее жизнь.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7)-44

ISBN 978-5-00131-013-6

© Хармель К., 2015
© Издательство «Синдбад», 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	37
Глава 8	44
Глава 9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Кристин Хармель

Жизнь, которая не стала моей

Музыка – в паузе между двумя нотами.
Клод Дебюсси

Kristin Harmel

THE LIFE INTENDED

© 2015 by Kristin Harmel

Published in the Russian language by arrangement with *Baror International* and *Nova Littera*

Иллюстрации на обложке: Tinxi / shutterstock.com

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. Издательство «Синдбад», 2018.

Глава 1

Было уже 23:04, когда Патрик вошел в дом – в последнюю нашу ночь, без малого двенадцать лет назад.

Я помню, как злобно полыхали красным светом цифры на часах у нашей кровати, и звук ключа, повернувшегося наконец в замке. Помню чуть виноватое выражение его лица; щетина, пробивавшаяся на щеках к вечеру, превратилась чуть ли не в бородку, и, когда он остановился в проходе, рубашка показалась мне смятой. Помню, как он произнес мое имя – Кейт: разом и приветствие, и попытка извиниться.

Я слушала «Крепость» *Sister Hazel*, мой любимый в ту пору альбом, и ждала Патрика. Как раз началась четвертая песня, «Шампанское», и я подпевала беззвучно, думая, что «наш миллион часов» – точное и поэтическое описание совместной жизни.

Мы с Патриком прожили в браке всего четыре месяца, и я не могла себе представить день, когда мы не будем вместе. Мне было двадцать восемь лет, Патрику двадцать девять, перед нами простиралась бесконечная, без горизонта, жизнь. Помню, как я прикинула: миллион часов – чуть больше ста лет – нет, этого нам мало.

А оказалось, что нам было отведено всего пятнадцать тысяч часов и еще девять.

Столько часов прошло с той минуты, как мы познакомились под Новый 2000 год, столько часов мы знали, что нашли свою пару, столько часов думали, что обрели весь мир. Но пятнадцать тысяч часов и еще девять – так далеко до миллиона.

– Милая, прости, пожалуйста, прости. – Повторяя извинения и спотыкаясь, Патрик прошел в спальню, где я сидела поверх одеяла, подтянув колени к груди и выразительно поглядывая на часы. Радость оттого, что он благополучно вернулся, мгновенно сменилась раздражением: по какому праву он заставил меня волноваться!

– Ты не позвонил! – Конечно, голос мой звучал сварливо, но мне было на это наплевать. Мы еще год назад, после того как мой дядя погиб на охоте, пообещали друг другу непременно предупреждать, когда задерживаемся. Моя тетя пребывала в блаженном неведении о смерти мужа почти двадцать часов. Нас с Патриком холодный пот прошибал при одной этой мысли.

– Пришлось кое с чем разбираться, – сказал Патрик, не глядя мне в глаза. Его густые темные волосы были растрепаны, в зеленых глазах – когда наши взгляды наконец встретились – металась тревога.

Я глянула на телефонную трубку на тумбочке. Ни одного звонка.

– На фирме? – уточнила я. Это был уже не первый случай. Патрик работал консультантом по рискам и нередко допоздна засиживался в офисе в центре города – молодой, честлюбивый, всегда готовый вкалывать сверхурочно. Мне и это в нем нравилось, хоть порой нелегко быть с человеком, который только и думает что о работе.

– Нет, Кэтили. – Он назвал меня тем ласковым именем, которое прижилось у нас с первой встречи, когда он не разобрал мое имя, Кэти Бил, очень уж шумело сборище в «Правде». – Моя прекрасная Кэтили, – пробормотал он, усаживаясь рядом со мной на кровать.

Тыльной стороной правой руки он провел по моему бедру, и я потихоньку расправила поджатые ноги, склонилась к нему. Он прижался ко мне, обнял за плечи. Пахло от него одеколоном и куревом.

– Я был у Кэндис, – сказал он мне в волосы. – Ей понадобилось кое-что со мной обсудить.

Я резко вывернулась, соскочила с кровати.

– У Кэндис? Ты засиделся у Кэндис? До одиннадцати?

С Кэндис Белазар он встречался до нашего знакомства – девица из прокуренного бара там же в центре. Короткое увлечение, оно закончилось за два месяца до нашей с ним встречи и все же не давало мне покоя, сколько бы он ни оправдывался, что это «чистая физиология

и больше ничего». «У меня давно никого не было, и тут она подвернулась. Я порвал с ней, как только понял, что мы совершенно друг другу не подходим». Однако меня это не слишком утешило. На самом деле даже подташнивало при мысли, что мой муж, в объятиях которого я засыпаю каждую ночь, занимался с другой «чистой физиологией».

Однажды мы столкнулись с Кэндис в ресторанчике в Маленькой Италии, и, когда абстрактное имя обрело лицо, мне стало еще противнее. Выше меня, с огромной, явно силиконовой грудью, выбеленные волосы и пустые глаза. Оглядев меня с головы до ног, она усмехнулась и сообщила подруге театральным шепотом: «Нормальные бабы Патрику уже явно не по силам».

– Кэти, милая, что ты! – торопливо заговорил Патрик и снова потянулся ко мне, а я тут-то и сообразила, что куревом от него пахнет потому, что он дышал одним с ней воздухом. И я окончательно рассвирепела. – Ты ведь знаешь, я никогда тебя не обижу.

– Так почему же ты не позвонил?

– Ну прости меня! – Он в растерянности провел пальцами по волосам. – Виноват. Но ты же понимаешь, что я тебе не изменю, никогда, никогда! – Голос его дрогнул, когда он договаривал последние слова, но в глазах – ни тени вины.

Я почувствовала, как плечи мои чуть обмякли, негодование поостыло.

– Мало ли что! – Разумеется, он говорил правду, но я-то сидела дома и ждала, а он прохлаждался в баре со своей бывшей! Нет, я не готова сказать, что все о'кей, потому что это вовсе не о'кей.

– Да, я поступил плохо. – Он сокрушенно развел руками. – Но разговор был трудный, и я не мог выйти, чтобы позвонить.

– А то Кэндис, не дай бог, обиделась бы...

– Кэти... – Он осекся.

– Я ложусь спать! – Конечно, следовало смягчиться, обнять его, сказать, что я все понимаю. Но я была еще не готова.

– Не хочешь поговорить? – спросил он.

– Нет.

Патрик вздохнул:

– Хорошо, Кейт, я завтра все объясню.

Я выразительно закатила глаза и ринулась в ванную, хлопнув дверью. Посмотрела на свое отражение в зеркале. Ну почему даже через два года после разрыва Кэндис еще имеет какое-то влияние на моего мужа?

Но десять минут спустя, ложась в постель, я уже понимала, что сдаюсь. В конце концов, Патрик же сразу сказал мне, где задержался. И выбрал он меня, и в глубине души я знала, что каждый день до конца нашей жизни он всегда будет выбирать меня. Когда я натягивала на себя одеяло, гнев уже отступал – медленно, лениво, как усталая волна.

Я уже почти спала, когда Патрик пристроился рядом. Отвернувшись к стене, я чувствовала, как он обнял меня сзади, придвинулся, вжимаясь в меня, переплел свои ноги с моими.

Я чуть не рванулась прочь, но это же Патрик, мой Патрик. Утром он расскажет мне, что случилось, и я пойму. Так что я, помедлив, тоже прижалась к нему.

– Ты же знаешь, я тебе никогда не причиню боли, Кэти, – зашептал он, обнимая меня еще крепче. – Никогда. Даже через миллион лет. Ничего у нас с ней не было и быть не может.

Я закрыла глаза, выдохнула:

– Я знаю.

Патрик поцеловал меня за ухом – по позвоночнику пробежала дрожь.

– Я знал еще прежде, чем тебя встретил... – заговорил он в тот момент, когда меня уже накрывал сон.

– ...Что ты – моя судьба, – подхватила я. Так мы говорили друг другу «люблю». Наш тайный язык.

Я знала, что это – навсегда, до конца жизни.

* * *

Солнечный свет ворвался в комнату вместе с ароматами кофе и бекона. Я заморгала, повернулась на бок, чтобы взглянуть на часы. Они показывали 6:47, Патрик уже поднялся, готовит завтрак. Я понимала: так он просит прощения, хотя, по правде говоря, уже простила его.

– Доброе утречко, – сказала я, входя в кухню и прикрывая рукой зевок. Патрик обернулся, размахивая лопаточкой, и я засмеялась. Поверх боксеров с надписью «Я люблю Н-Й» и белой футболки он нацепил желтый фартук «Поцелуй повара». Босой, волосы растрепаны со сна.

– Шефф к вашим услугам, – изобразил он французский акцент, и я опять засмеялась. – Садитесь, садитесь. – Все той же лопаточкой он указал на маленький кухонный столик. – Завтрак сервирован, мадам!

С поклоном он поставил на стол две тарелки – омлет, до хруста зажаренный бекон, тосты с клубничным джемом, а полминуты спустя принес две чашки дымящегося кофе, уже со сливками и сахаром, и сел напротив меня.

– Тебе не обязательно готовить с утра, – улыбнулась я.

Он поцеловал меня в щеку:

– Все для моей девочки.

Поднеся ко рту вилку, я заметила, что Патрик пристально за мной наблюдает.

– Ты что? – с полным ртом спросила я.

– Я виноват, что не позвонил вчера, – заторопился он. – Мне очень стыдно. Не подумал, что ты будешь волноваться.

Я отпила кофе и выдохнула:

– Все в порядке.

Улыбка осветила его лицо.

– Ты меня простила?

– Я тоже чересчур погорячилась.

– Нет, ты была права. Совершенно права, – все так же поспешно возразил он. Откусил бекона, а я смотрела, как мощно двигаются его челюсти. – Послушай, мне правда нужно с тобой кое-что обсудить. – Он заморгал, и что-то в его лице меня насторожило. Патрик явно нервничал. – Поужинаем сегодня в городе? Например, в отеле «Шерри-Недерленд»? Там тебе вроде нравилось.

Я улыбнулась:

– Звучит неплохо.

– Отлично. Я зарезервирую столик. В семь часов сможешь?

– Конечно, к семи я успею.

– Ничего не забыла? – спросил Патрик, когда я доела свою порцию бекона.

Я обернулась:

– Что?

Он натянул фартук за уголки и покрутился передо мной:

– Написано же: «Поцелуй повара». Надо следовать инструкциям. Простая вежливость требует.

– Да неужели? – расхохоталась я.

– Один из законов всех мировых кухнекратий.

– Кухнекратий?

– Конечно. Всех суверенных кухонных наций. Как наша.

– Понятно, – как можно серьезнее ответила я. – Что ж, сэр, не смею нарушать закон.

– В ваших же интересах соблюдать его. – Он улыбнулся и раскинул руки для объятия.

Я поднялась со стула, смеясь. Патрик наклонил голову, я привстала на цыпочки, и наши губы встретились.

– Годится? – прошептала я спустя мгновение, когда он обхватил меня руками и притянул к себе.

– И близко нет, – проворчал он и вновь поцеловал меня, на этот раз осторожно раздвинув мои губы языком.

В то утро мы успели насладиться нашей любовью – поспешно, настойчиво, вбирая в себя друг друга. А потом я вымыла посуду, пока Патрик принимал душ и одевался.

– Отлично выглядишь! – присвистнула я, когда он вернулся в кухню, приглаживая влажные волосы. Черные брюки, наглаженная голубая рубашка, серый галстук в полоску.

– У меня с утра встреча с очень важным клиентом – боюсь, трусы и фартук на ней не прокатят. Не хочу хвастаться, но ноги у меня очень сексапильные.

Я расхохоталась и снова приподнялась на цыпочках поцеловать его.

– Удачи тебе с клиентами!

– Еще и удача? Зачем? – От лукавой улыбки на щеках проступили ямочки. – Когда у меня лучшая в мире жена. Жизнь и так прекрасна!

– Жизнь прекрасна, – от всей души согласилась я. И еще раз поцеловала, но на этот раз Патрик поспешил высвободиться.

Я открыла глаза, прикрытые для поцелуя, и увидела в руках Патрика серебряный доллар, из той большой коллекции, что собирал его дед.

– Слушай, пусть он побудет у тебя до вечера? Сохранишь для меня?

Я кивнула, взяла монету.

– А эта за что?

У Патрика имелось обыкновение подбрасывать где-нибудь в городе серебряный доллар всякий раз, когда с ним случалось что-то хорошее. «Нужно передать удачу другому, – приговаривал он. – Кто-то найдет монету и загадает желание». Мы оставили серебряный доллар в Центральном парке в тот день, когда я поступила в магистратуру, а другой бросили в фонтан у мэрии в прошлом году, когда Патрик получил повышение по службе. Третий доллар упал в океан поблизости от дома его родителей на Лонг-Айленде этой весной, в день нашей свадьбы.

– Видимо, что-то серьезное, – предположила я.

– Очень! – ответил он. – Скоро все узнаешь. За ужином расскажу. А после ужина бросим ее в Пулитцеровский фонтан. И – Кэтили...

– Да?

Он уже стоял в дверях, но остановился и внимательно посмотрел на меня.

– Я знал еще прежде, чем увидел тебя... – начал он. Голос проникновенный, взгляд прикован ко мне.

Сердце затрепетало.

– ... Что ты – моя судьба.

Дверь за ним закрылась. На часах было 7:48.

Тогда я видела его в последний раз.

* * *

Это случилось во время утренней пробежки. Я трусила на север вдоль Гудзона, по зеленой дорожке, дивясь, каким ясным и ярким стало небо после нескольких дней дождя, а в этот

момент Дженнифер Барвин, тридцатисемилетняя туристка из Атланты, допила бутылку водки, к которой прикладывалась с трех часов ночи, поссорившись со своим дружком. И пока я мысленно повторяла лекцию, прослушанную накануне на курсе музыкальной терапии (я только что записалась на эту программу в Университете Нью-Йорка), она пристегивала свою полторагодовалую дочку Лианну к заднему сиденью «тойоты-королла» 1997 года выпуска. В тот самый момент, когда я подумала, как мне повезло, что Патрик уговорил меня бросить работу в банке и получить специальность, о которой я всегда мечтала, эта женщина выехала с парковки у мотеля «Хобокен старлайт».

«*Слушайся своего сердца*» – такими словами ободрил меня Патрик, и они вновь звучали у меня в голове, а кеды весело стучали по дорожке. «Жизнь слишком коротка, нужно успеть осуществить свои мечты, Кейт». И когда я в то утро подняла взгляд к небесам, благодаря за понижающего и поддерживающего меня мужа, Дженнифер Барвин уже въехала в туннель имени Линкольна и понеслась в сторону Манхэттена. Я свернула на юг, к дому, она вывернула на Западную 40-ю, задев при съезде с хайвея дорожный знак.

И в ту секунду, когда я, улыбаясь себе, гадала, какую удачу Патрик собирается отметить серебряным долларом, Дженнифер Барвин на скорости 90 ки-лометров в час точно врезалась в заднюю, пассажирскую дверь такси, в котором ехал мой муж.

Через полчаса, когда я, запыхавшись, свернула за угол возле нашего пятиэтажного дома, перед дверью уже ждали двое полицейских.

– Миссис Уэйтмен? – спросил младший. Не знаю – то ли его сочувственный взгляд, то ли серьезное выражение лица, то ли интонация, с какой он произнес мое имя, – что-то мне сразу подсказало: стряслась большая беда.

– Что случилось? – спросила я и почувствовала, как подгибаются колени. Молодой полицейский подхватил меня прежде, чем я рухнула.

– Мэм, нам очень жаль, но ваш муж сегодня утром попал в серьезную аварию, – монотонно произнес он. – Он ехал в такси, мэм. Возле Таймсквер.

– Нет, тут какая-то ошибка, – слабо возразила я, переводя взгляд с одного полицейского на другого. Их лица уже расплывались у меня перед глазами. – С ним все в порядке. Он на работе. Он всегда ездит на работу на метро.

И тут же я вспомнила о встрече. *С очень важным клиентом*. Он вполне мог поехать туда из офиса на такси. *Господи*.

– Вы уверены, что это он?

– Да, мэм.

– Но с ним все обошлось? – настаивала я.

Странное, тяжелое молчание.

– Мэм... – неуверенно начал молодой полисмен.

– Где он? – перебила я, поворачиваясь к тому, что постарше, он был похож на моего отца, он все уладит. – В какой больнице? Вы меня отвезете? Я должна как можно скорее попасть к нему.

И снова тишина. Ни один из них не трогался с места. В этот миг – прежде, чем они произнесли те слова, – я уже поняла.

– Мэм, – заговорил наконец старший, и его глаза увлажнились. – К сожалению, ваш муж погиб на месте.

– Нет, – вырвалось у меня, потому что такого не может быть. Двух часов не прошло с тех пор, как мы занимались любовью. Он обнял меня. Поцеловал, уходя, как во все другие дни. Теплый, живой и весь мой. – Нет, нет, этого не может быть, – пробормотала я. – Никак не может быть. Какая-то ошибка.

– К сожалению, это не ошибка, мэм, – произнес старший и тоже подхватил меня под локоть, – я почти повисла между ними. И даже не почувствовала, что падаю. – Кого из близких нам следует вызвать? – Он заботливо наклонился ко мне.

– Патрика! – бессмысленно ответила я. – Если со мной что-то случится, следует звонить ему.

Мне и в голову не приходило, что случиться может с ним. Я позволила отвести меня в дом, усадить на диван. Отдала им свой мобильный, и каким-то образом они отыскали номер моей сестры Сьюзен – судя по тому, что полчаса спустя она взлохмаченная влетела ко мне в квартиру.

– Неслась сломя голову, – выдохнула она, но я не могла говорить, только кивнула. По ее щекам текли слезы, и тут я сообразила, что сама до сих пор не плачу. – Джина уже едет.

– О! – выдохнула я.

– Кейт, – негромко сказала сестра, присаживаясь возле меня на диван. – Как ты, Кейт? Чем тебе помочь?

Я тупо уставилась на нее, словно она говорила на незнакомом языке. Следовало позвонить родителям Патрика, разыскать его друзей, организовать похороны, проделать все, что положено делать, когда человек умер. Но я не была готова принять его смерть. Сидя на этом диване, на диване, где мы с ним провели столько часов, мечтая о нашей долгой совместной жизни, я могла уговорить себя, что Патрик жив. Что мой мир не рухнул.

Чуть позже приехала моя лучшая подруга Джина. Ее муж погиб годом раньше в теракте 11 сентября. Обе они сидели со мной и молча гладили по спине. Прошел весь день, Патрику давно было пора вернуться с работы. Я все смотрела и смотрела на дверь, надеясь вопреки всему, что он войдет, что все это было нелепой, безумной ошибкой.

Но это не было ошибкой. Миновала полночь, наступило девятнадцатое сентября, первый день моей жизни без Патрика. И тогда я наконец заплакала.

Глава 2

Двенадцать лет спустя

– Ручки, ручки поднимаем! – бодро пою я под гитару и улыбаюсь Макс, моему любимому пациенту. – Ножкой топ-топ! – продолжаю я. – А теперь кругом, кругом. Наклонись...

– И пола коснись! – подхватывает Макс.

– Молодец, Макс! – Я сочиняю на ходу, а Макс, ребенок с аутизмом, заходится в смехе, но подыгрывает мне. Сидя в уголке моего кабинета, его мама Джойя тоже смеется, глядя, как ее сын, выпрямившись после наклона, принимается скакать.

– Еще, мисс Кейт! – просит Макс. – Еще-еще!

– Хорошо, – отвечаю я серьезным тоном. – Но теперь и ты подпевай. Сумеешь?

– Да! – восклицает он, радостно всплескивая руками.

– Честно-честно?

– Да! – Его восторг заразителен, и я смеюсь вместе с мальчиком.

– Ладно, Макс. Значит, договорились: ты подпеваешь.

Я уже пять лет работаю музыкальным терапевтом. Частная практика для детей с особыми потребностями. Макс пришел ко мне одним из первых. Джойя привела его по совету логопеда, Макс, было тогда пять лет, и он отказывался говорить. Постепенно на наших еженедельных встречах я стала вытягивать из него сперва по словечку, потом по фразе, а теперь уже целый разговор получается. Теперь мы с ним вместе поем, танцуем, дурачимся, но на самом деле задача важнее: научить Макса общаться, доверять людям, открыться миру.

– Так, Макс, заполняй паузы. – Ударив по струнам, я начинаю: – Меня зовут Макс, и я жгучий...

– Брюнет! – со смехом выкрикивает Макс. – Меня зовут Макс, и я жгучий брюнет!

Я смеюсь:

– Отлично! – Беру другую ноту и пою: – Я такой красивый, все девчонки смотрят вслед! –

Гляжу на него, изогнув бровь.

Макс падает со смеху. Я жду. Он снова садится прямо и говорит:

– Мисс Кейт, это очень глупо.

– Глупо? – в притворном ужасе восклицаю я. – Кому глупо, а кому в самый раз. Будешь мне подпевать или как?

– Спойте еще раз, спойте еще раз! – просит Макс. Я подмигиваю ему.

– Я такой красивый, все девчонки смотрят вслед! – повторяю я под гитарный перезвон.

На этот раз Макс подхватывает, так что я могу перейти к следующей строке:

– Мне десять лет, я такой...

– Большой! – кричит Макс, выпячивая грудь и показывая все десять пальцев. – Я все старше и старше.

– Точно, старина! – Я снова дергаю струну и допеваю импровизированный стишок:

– А главное, характер у меня золотой.

Я умолкаю, прижав руку к сердцу, и Макс поет мне в ответ:

– А главное, характер у меня золотой. – Он снова смеется и зажимает рот ладонью. – Но мой характер вовсе не из золота! – восклицает он сквозь пальцы. – Опять получилось глупо.

– Не из золота, – соглашаюсь я. – Но когда мы говорим «золотой характер», то подразумеваем, что ты очень, очень хороший человек, Макс.

Он улыбается во весь рот и радостно вскидывает руки:

– Вы тоже хорошая, мисс Кейт!

Я отложила гитару, чтобы его обнять. Сегодня он, такой жизнерадостный и наивный, был нужен мне гораздо больше, чем я ему. Но не стоит ему об этом говорить. Музыкальные занятия проводятся не ради меня.

– Спасибо, мисс Кейт! – Макс крепко обхватил меня за талию и вжался лицом мне в плечо. – Я вас люблю!

– Макс, ты самый замечательный! – отвечаю я, чувствуя, как слезы щиплют глаза. – Будешь теперь всю неделю маму радовать, договорились?

– Договорились, мисс Кейт! – весело отвечает он. И тут же поворачивается к маме и так же крепко обнимает ее.

– Спасибо, Кейт, – с улыбкой благодарит она, поднимаясь со стула, чтобы обнять сына. – Макс, выйди в приемную, попрощайся пока с Диной. Я еще минутку поговорю с мисс Кейт.

– Хорошо, – кивает Макс. – До свиданья, мисс Кейт. – И он выбежал из кабинета, захлопнув за собой дверь.

Я обернулась к Джойе:

– Все в порядке?

Она улыбается:

– Это я вас хотела спросить. Вы какая-то не такая сегодня.

Я качаю головой, мысленно ругаю себя за то, что позволила личным проблемам просочиться в общение с клиентами.

– Нет, Джойя, у меня все хорошо, – говорю я. – Спасибо.

Она шагнула ближе ко мне, все еще сомневаясь.

– И с Дэном по-прежнему все хорошо? – уточняет она.

– Замечательно! – торопливо отвечаю я. Мы с Джойей сблизились за эти пять лет. Я, к примеру, знаю, что она мать-одиночка, с трудом сводит концы с концами и делает все, чтобы жизнь ее сына была нормальной, счастливой. И она знает, что я все еще горюю о Патрике, хотя прошло почти двенадцать лет, но наконец начала встречаться с мужчиной, с которым у меня складываются серьезные отношения, и все мои знакомые уверены, что он мне идеально подходит.

– Значит, проблема не в этом? – мягко настаивает Джойя.

– Да нет, вообще нет никакой проблемы! – отвечаю я – слишком поспешно, слишком беспечно, и в ее глазах промелькнула тень. – За меня не беспокойтесь, – как можно тверже повторяю я. – У меня все будет хорошо.

Но когда Джойя наконец ушла, крепко сжимая руку сына и озабоченно оглянувшись на меня напоследок, я падаю на стул у рабочего стола и закрываю руками лицо. Прошло несколько минут, прежде чем я решилась открыть тонкую папку, врученную мне утром врачом, и перечитать диагноз: *хроническая ановуляция, первичное бесплодие*.

* * *

Через два часа я закончила работу, сделала записи и отправилась на юг по 3-й авеню к «Зидлю», уютному бистро на углу Лексингтон и 48-й, которое за последний год стало у нас с Дэном любимым местом. Столик был заказан на семь. Сердце колотилось все сильнее.

Придется сообщить Дэну диагноз, сказать, что мои яичники практически перестали работать, – но что, если после этого он не захочет со мной остаться? Первый мужчина после Патрика, с которым у меня серьезные отношения. Наконец-то я решилась соединить жизнь с другим человеком. Не могу его потерять. Не могу снова остаться одна.

«Ты пока не знаешь, какотреагирует Дэн», – напоминаю я себе, сворачивая за угол на 48-ю. О детях мы ни разу по-настоящему не говорили, разве что мимолетно, когда еще только познакомились. К моменту нашей встречи мне исполнилось тридцать восемь, казалось бы,

биологические часы должны были громко тикать, но они почему-то молчали. Мне казалось (хотя умом-то я понимала: с каждым годом забеременеть будет все труднее), будто у меня еще полным-полно времени. И оказалась совершенно не готова к тому, что на пороге сорокалетия мне заявят: мои шансы стать матерью уже в прошлом. Я еще даже не решила, хочу ли я детей, но чтобы эта дверь вот так захлопнулась перед носом – печальный сюрприз.

Что, если и для Дэна тоже?

Перед дверью «Зидля» я глянула на часы. Опаздываю уже на десять минут, и ловлю себя на мысли: вот бы развернуться и удрать! Напишу Дэну, извинюсь, выдумаю, будто задержалась с клиентом, лучше взять ужин на дом. Тогда у меня появится лишний час, чтобы все обдумать.

– Кейт?

Не вышло – Дэн вынырнул из ресторана, хмурится озабоченно.

– О! – Я выдавила улыбку. – Привет.

– Что стала в дверях? – Он шагнул ближе и положил руку мне на плечо. Сразу же стало легче. Мой Дэн. Идеальный мужчина – светловолосый, кареглазый, общий любимец. Всегда разумный, рациональный – и любит меня. И не бросит только из-за того, что подвели яичники.

Я сделала глубокий вдох.

– Дэн, я должна кое-что тебе рассказать.

Он слегка изменился в лице, но тут же улыбнулся и покачал головой:

– Может, для начала войдем?

– Ну... – промямлила я.

– Все расскажешь, как только сядем за наш стол, хорошо? – Он взял меня за руку и повел, не дожидаясь моего согласия.

– Сюрприз! – приветствовал нас хор голосов, едва мы переступили порог.

Я поперхнулась, отступила на шаг, не сразу привыкнув к полумраку. Оказалось, у дверей столпились мои самые близкие – сестра Сьюзен с мужем Робертом, их дети Сэмми и Келвин, моя лучшая подруга Джина и ее муж Уэйн и еще с десятков друзей и многолетних знакомых. И брат Дэна Уилл тоже тут, а также его лучший друг Стивен и несколько супружеских пар, с которыми мы иногда вместе проводим вечера.

– Что происходит? – в растерянности спросила я сестру. Она единственная способна в любой момент бросить мне спасательный круг, хотя и раскритикует заодно. Но на этот раз она улыбалась, тыча пальцем куда-то у меня за плечом.

Я медленно повернулась к дверям и с ужасом увидела, как Дэн опускается на одно колено. Я захлопала глазами: сердце стучало оглушительно.

– Ты делаешь мне предложение?

– Похоже на то, – засмеялся он. Достал из кармана бледно-голубую коробочку и, открыв, поднес мне. – Кейт, ты выйдешь за меня?

Наши друзья захлопали в ладоши, время замерло, я не видела ничего, кроме кольца – великолепного солитера от Тиффани – и на какое-то мгновение думала только о том, до чего это кольцо не похоже на то, антикварное, с которым мне делал предложение Патрик. И тут же меня затопило чувство вины. Сейчас не время мыслям о Патрике. Да что же со мной такое! Нужно понять, вправе ли я ответить Дэну согласием прежде, чем сообщу ему диагноз. С другой стороны, не могу я отказать ему на глазах у всех наших друзей.

Да я и не хочу ему отказывать. Дэн – само совершенство, напоминаю я себе. Всегда придерживает дверь, пропуская меня. Никогда не забудет сказать «пожалуйста» и «спасибо». О таком зяте мечтает каждая мать. Вот и моя мама не упускала случая напомнить, как мне повезло с Дэном. О свадьбе я пока не думала, но ведь это логично: когда люди любят друг друга, они должны пожениться.

– Кейт? – Голос Дэна вернул меня к реальности.

Губы сами растянулись в улыбке. Пульс частил.

– Да! – услышала я собственный голос. А потом, поскольку это правда – ведь я знала, что правда, – я повторила громче: – Да, конечно же да! – Так должно быть, сказала я себе, и мое сердце наконец-то наполнилось радостью. – Да, я выйду за тебя, Дэн.

Он испустил ликующий крик, вскочил, прижал меня к себе, пустился в пляс, все поддерживали его свистом и криками.

– Кейт Уэйтмен, – сказал он. – Я постараюсь сделать тебя самой счастливой женщиной на свете.

И я смеялась вместе с ним, когда он надевал кольцо мне на палец: луч света упал на бриллиант, рассыпался мириадами крошечных звезд.

– Я люблю тебя, Кейт, – шепнул он, прижимая меня еще крепче. Но за грохотом собственного сердца я едва разобрала его слова.

* * *

Потом еще час я улыбалась и смеялась как по команде, но все расплывалось в тумане: друзья болтали, рассказывали про нас обоих какие-то анекдоты, называли нас «золотой парой», хлопали Дэна по спине, целовали меня в щеку. С полдюжины человек объяснили мне, что давно пора налаживать свою жизнь, и не меньше дюжины напомнили, какая Дэн замечательная добыча. Официантка – я перехватила ее взгляд – с жадностью рассматривала Дэна из-за барной стойки. Хорошо, что он не обращает на такое внимания.

На какое-то время, пока Сьюзен пыталась приструнить своих шумных отпрысков, а Дэн общался с друзьями, мы остались вдвоем с Джиной. Вот кто понимал, что творилось у меня в душе: она сама вышла замуж после шести лет вдовства, и признавалась мне: когда она дала согласие новому жениху, в ней сталкивались и бушевали противоположные чувства. Она винила себя за то, что окончательно уходит от старой любви. Равовалась, что обрела новую. Робко надеялась на счастье. И грустила о прошлом, с которым настало время распрощаться.

– Ты как? – спросила она, принесла мне бокал шампанского.

– Хорошо, – улыбнулась я. – Спасибо.

Она на миг прижала меня к себе.

– Подумать только, он арендовал весь ресторан целиком, чтобы сделать тебе предложение на глазах у всех друзей. – Она ухмыльнулась и покачала головой. – Вот это по-нашему, верно?

– Джина! – Я схватила ее за руку в тот момент, когда она собиралась отойти. – Как ты думаешь, если я не смогу родить, Дэн все равно захочет на мне жениться?

Она остановилась, вытаращилась на меня:

– Что у тебя случилось, Кейт?

Я почувствовала, как на глаза навернулись слезы.

– Я сегодня была у врача. – Дрожащим голосом я быстро пересказала все, что сказал мне врач. – Это ничего, я с этим справлюсь, – тут же добавила я, видя ее озабоченный взгляд. – Но за Дэна я переживаю.

– Ох, Кейт. – Она снова крепко обняла меня. – А он-то хочет детей?

Я пожала плечами, высвобождаясь:

– Не знаю, мы никогда об этом не говорили.

– Никогда не говорили? – Не то чтобы в ее голосе звучал упрек, но я почувствовала свою неправоту.

– Как-то все случая не было. – Когда такое произносишь вслух, звучит глупо. – К тому же дети у меня должны были родиться от Патрика, – совсем уже шепотом закончила я.

Джина чуть не заплакала от сочувствия. Она прикусила губу, и я, зная ее столько лет, понимала, что она пытается удержать слова, рвавшиеся с языка. В итоге она спросила только:

– А ты хочешь иметь детей?

– Не знаю. Но я не была готова услышать, что у меня их никогда не будет. – Я шмыгнула носом и вытерла глаза.

– Этого тебе никто не может сказать, – отрезала она. – Сделаешь ЭКО. Или, если у тебя остались еще яйцеклетки, поможет суррогатная мать. Можно и усыновить. Возможностей сколько угодно. Не смей даже думать, будто у тебя не осталось шансов.

– Спасибо. – Я с трудом улыбнулась в ответ.

– И Дэну сказать надо, – решила она. – Это ничего в ваших отношениях не изменит. Он тебя любит. Сегодня про это больше не думай, договорились? Наслаждайся моментом. А потом поговори с ним, Кейт. Это же нормально – все обсуждать с человеком, за которого выходишь замуж.

– Конечно. Обязательно. Прости, что вывалила это на тебя. Не волнуйся за меня, ладно? – И я отошла, удерживая на лице улыбку, прежде чем Джина успела что-то еще сказать.

Сломалась я через полчаса, когда в ресторан вошла мать Патрика.

– Кейт! – воскликнула она, подбежав, и крепко меня обняла. Пахло от нее, как всегда, корицей и тестом. – Меня Джина пригласила: ничего, что я пришла?

– Это здорово! – Мы с ней оставались друзьями после смерти Патрика и еще больше сблизились, когда девять лет тому назад умер ее муж Джо. Патрик был их единственным сыном, и, когда не стало и мужа, я почувствовала себя ответственной за нее и была рада этой ответственности: свекровь стала для меня второй матерью. – Я так рада видеть тебя, Джоан.

– Извини, что опоздала. – Она возмущенно закатила глаза. – Представь, я не успела на поезд. И весь мой график полетел.

Джоан жила в Глен-Коуве, небольшом городе на Лонг-Айленде, все в том же доме, где вырос Патрик. Иногда я задумывалась – каково там остаться совсем одной, в окружении прошлого? Я-то удрала из нашей с Патриком квартиры через три недели после похорон, не могла вынести пустоту на том месте, где была наша жизнь. Каждый раз, открывая дверь, я снова надеялась увидеть его. К тому же соседи стали жаловаться: я вдруг вставала посреди гостиной и вопила в голос. Хозяин квартиры только рад был досрочному прекращению аренды.

– Ничего, – сказала я. – Ты уже тут, это главное. – Только сейчас я почувствовала, что по моим щекам катятся слезы. – Джоан, послушай, ты на меня не сердись.

– За что? – удивилась она.

– Я... я не хочу, чтобы ты подумала, будто я забываю Патрика, – всхлипнула я, утирая глаза. Не сразу решилась встретиться с ней взглядом.

– Лапонька, – ласково ответила она мне, – ты имеешь полное право строить свою жизнь. Ты *должна* жить дальше. – Она обняла меня одной рукой. – Давай выйдем, подышим? – Она вывела меня из ресторана, за углом вынула из сумочки бумажный платок и вручила мне. – Кейт, дорогая моя, прошло почти двенадцать лет. Патрик хотел, чтобы ты была счастлива. Я знаю, он смотрит на тебя с небес и улыбается.

Мы одновременно посмотрели вверх. Подумала ли она то же, что и я: небо нынче сплошь затянуто облаками, звезд не видно и кажется, будто небо очень далеко.

– Ты все еще носишь монетку? – тихо спросила она, так и не дождавшись от меня ни слова.

Я кивнула и вытянула из-под блузки серебряный доллар на цепочке. Последний подарок Патрика. Ювелир по моей просьбе просверлил монету и продел в нее длинную цепочку.

Джоан слегка улыбнулась.

– Патрик верил, что в мире много хорошего, – заговорила она, дотронувшись до моего талисмана. – Он верил в любовь, в удачу и счастье и хотел, чтобы все это было у тебя. В этом смысл серебряного доллара, ты же знаешь. Он хотел для тебя самой лучшей жизни, какая только возможна.

– Я всегда буду любить его, ты мне веришь?

– Верю. – Джоан снова нежно обняла меня. – Но это не значит, что ты не вправе любить кого-то еще. Жизнь продолжается. Ты ведь нашла свое счастье, да, моя хорошая?

Я кивнула.

– Значит, ты поступаешь правильно. А теперь вернемся на вечеринку? Познакомь меня со своим женихом, пожалуйста.

* * *

После того как я познакомила Джоан с Дэном и выпила еще один бокал шампанского, кто-то поставил Эрика Клэптона – *Wonderful Tonight*. Дэн с улыбкой протянул мне руку:

– Наш танец, моя прекрасная невеста.

Он театрально закружил меня на импровизированном танцполе, и мы привычно подстроились под неторопливый ритм.

– А мать Пата довольно симпатичная, – шепнул он.

Гости уже тоже танцевали парами.

– Патрика, – поправила я. Меня раздражало это уменьшительное имя: покойного мужа никто, кроме Дэна, так не называл. – Да, она замечательная. У нас с ней всегда были прекрасные отношения.

– Ну да. – Чуть помедлив, он добавил: – И ты собираешься поддерживать эти отношения и впредь?

Я высвободилась, посмотрела на Дэна в упор:

– Разумеется. – Он промолчал, и я продолжила: – С какой стати мне их прерывать? – Интонация получилась сварливая, и я поспешила смягчить ее улыбкой.

Дэн снова привлек меня к себе.

– Просто я подумал: когда мы с тобой поженимся, с этой частью прошлого можно бы и расстаться. Однако настаивать не буду. С виду она приятная женщина.

– Она мне родной человек, Дэн. И это не изменится.

– Все правильно, – тут же ответил Дэн.

Однако я уже не чувствовала, что все правильно: Дэн, мне показалась, так не считал.

Как только доиграла музыка, Джина подскочила ко мне с очередным бокалом шампанского, и, сходя с танцпола, я осушила шампанское в два глотка. Подруга поглядела на меня с тревогой:

– Что-то случилось? – Она забрала пустой бокал и махнула официанту, чтобы принес еще.

– Ничего, – ответила я. Пузырьки шампанского постепенно наполняли голову легкостью.

– Из-за Джоан? – догадалась она. – Дэн что-то сказал о ней?

Я кивнула и оглянулась на Дэна, который с несколькими своими коллегами танцевал теперь под УМСА. Каким-то образом он ухитрился и это делать клево.

– Да, – только и ответила я. Джине ведь ничего объяснять не нужно.

– Ты поступаешь правильно, даже не сомневайся, – сказала она.

Официант принес полный бокал. На этот раз я пила шампанское медленными глотками. Голова уже слегка кружилась.

– Точно?

– Безусловно, – решительно подтвердила она. – Джоан – часть твоей жизни. Так будет всегда. Без вопросов.

– Вот и хорошо.

Прошло еще несколько часов, дело шло к ночи, я выпила много шампанского, станцевала под дурацкую версию *Call Me Maybe* с Сэмми и Келвином, а потом Сьюзен повезла их домой укладываться спать. Около десяти вечера я усадила Джоан в такси и попросила позвонить мне,

как только она доедет. И снова танцевала с Дэном, а он обнимал меня и уверял, что счастливее его нет никого на свете.

Около полуночи Стивен, приятель Дэна, поставил *Guns N'Roses* – композицию *Sweet Child O'Mine* – и потащил Дэна с парнями танцевать. Я присела у барной стойки и, прекрасно зная, что песня на самом деле не о ребенке, невольно снова задумалась о детях.

То ли от шампанского, то ли оттого, что мир вокруг меня словно кружился в веселом танце, но, уронив голову на стойку бара, я вдруг стала воображать, как бы все обернулось, если бы мы с Патриком сразу, как только поженились, решили завести ребенка. Если бы я забеременела до его смерти, задолго до того, как яичники исчерпали свой ресурс? Сейчас нашему ребенку было бы одиннадцать. Часть Патрика осталась бы мной. Тоска стиснула мне горло.

Заиграли *Rolling Stones*. Дэн подошел ко мне, обнял за плечи.

– Я тоже сегодня счастлив, – шепнул он.

Я не сразу сообразила, что плачу и что он решил, будто это от радости.

Я не стала его разубеждать, я ведь и правда была счастлива. Еще как! Многим ли выпадает в жизни второй шанс? И я стала целовать Дэна всасос, пока Стивен и другие его друзья не засвистели одобрительно с другого конца барной стойки. Тогда я оторвалась от его губ и заглянула ему в глаза.

– Спасибо тебе, – торжественно произнесла я.

– За что? – усмехнулся он и поцеловал меня в лоб.

– За то, что любишь меня. За то, что я почувствовала себя желанной, за то, что хочешь на мне жениться и стараешься меня понять, и еще... – Я хотела еще что-то перечислить, но забыла что.

Дэн рассмеялся:

– Кто-то выпил многовато шампанского. – Он помог мне встать, и я сообразила, что он прав: меня слегка пошатывало. – Отвезу-ка я свою красотку-жену домой и уложу в постель.

– Пока еще не жену, – возразила я, удивляясь, что слова склеиваются, словно намазанные сиропом. – Но ладно, хорошо. В постель.

Он снова засмеялся, подхватил меня на руки, помахал друзьям на прощание и понес. Я уже спала, уронив голову на его железную грудь.

Глава 3

Щурясь от утреннего света, я смутно почувствовала: что-то не так. Слишком яркий свет для нашей спальни с окнами на запад. К тому же Дэн, переехав в эту квартиру полгода назад, установил глухие жалюзи: по утрам в комнате обычно темно, хоть глаз выколи.

Куда я попала?

Я поморщилась от головной боли – явно перестаралась вчера с шампанским. Сев на постели, я огляделась, все больше удивляясь по мере того, как глаза привыкали к свету. Совершенно определенно не спальня Дэна. На окнах белый тюль, кровать квинсайз из тика с высоким скругленным изголовьем, а не угольно-черная кингсайз, простыни и покрывало голубые, мягкие, а я уже привыкла к серому скользкому шелку. И все же эта комната смутно мне знакома, вот только не пойму откуда.

Может быть, Дэн вчера уложил меня отсыпаться в квартире у друзей? Я так напилась, что он не смог довезти меня до дому? Я напрягала память, но вспоминалось только одно: как я засыпаю на груди у Дэна, едва мы вышли из бара.

– Дэн? – осторожно окликнула я.

В коридоре послышались шаги, кто-то негромко насвистывал. И снова это показалось странно знакомым. Мне стало не по себе. Дэн никогда не свистел. На первом же свидании признался, что неумение свистеть считает одной из главных своих неудач в жизни. Так он меня впервые рассмешил.

– Малыш? – попыталась я снова, совсем уж неуверенно.

И тут свистевший вошел из коридора в комнату, и сердце мое оборвалось: это был вовсе не Дэн.

А Патрик.

Мой муж Патрик.

Погибший двенадцать лет назад.

– Доброе утро, – сказал он с улыбкой.

Звуки глубокого, такого знакомого голоса – точно удар под дых. Я-то думала, что никогда больше его не услышу. *Этого не может быть.*

Неотрывно глядя на Патрика, я постепенно подмечала, что он выглядит не совсем так, как прежде. Темные волосы поредели на висках, резче обозначились морщинки вокруг глаз, он несколько погрузнел. Таким я себе его воображала, так он должен был бы выглядеть, проживи мы вместе все эти годы. Но глаза были прежние – яркие, зеленые, добрые, и я не могла ни выдохнуть, ни вдохнуть, ни заговорить.

– Что же это такое? – пролепетала я наконец, сама себя едва слыша. Этот мягкий свет, который наполняет комнату, с благоговейным страхом поняла я, – особый мягкий свет, какой возникает, когда солнечные лучи встречаются в воздухе с потоком тончайших пылинок. Тончайшая паутина света, при виде которой мне всегда представлялся волшебный порошок и чудесное исполнение желаний. Наверное, сейчас это и происходит, решила я: мистика, магия.

Но покуда я глядела на Патрика, со мной происходило что-то странное: память словно бы восстанавливалась. Я огляделась по сторонам и поняла: откуда-то мне известно, что в углу приткнулся изящный пылесос фирмы «Дайсон», что на столике у кровати лежит календарь «Слово на каждый день». А на секретере стоят желтые розы в синей вазочке.

Это же наша прежняя квартира, поняла я вдруг. Та самая, на Чемберс-стрит, где мы жили, пока с Патриком не случилась беда. Мебель по большей части новая, но общие очертания комнаты знакомы, и паркет, который мне так нравился, и стены, в которые я колошматила кулаками, пронзительно визжа и требуя Бога к ответу: как посмел он забрать у меня любимого. Но что же с нами происходит сейчас?

– Кэтили? – озабоченно окликнул Патрик. Вырвал меня из путаницы разбредающих мыслей, вернул на землю.

Слезы катились по щекам. Я тщетно пыталась ответить ему: изо рта вырывались бессмысленные восклицания, одни гласные. Какая-то часть меня недоумевала, не снится ли это, но чем дольше я здесь находилась, тем становилась увереннее: нет, не снится. Никогда я не видела снов настолько ярких и подробных. Но если это не сон, то что?

Патрик присел на кровать рядом со мной.

– Похоже, ночка у тебя выдалась еще более веселая, чем я думал, – усмехнулся он.

Он погладил мою руку, и все тело вспыхнуло пламенем. Таким реальным было это прикосновение и так напугало меня, что я отшатнулась и тут же об этом пожалела, ведь я бы на все пошла, чтобы вновь ощутить прикосновение его рук.

– Что такое, Кейт? – спросил он и пальцем вытер мне слезы. – Что случилось?

– Ты живой! – выдохнула я, захлебываясь рыданиями. Только его ладонь на моем лице и удерживала меня от безумия. Если сейчас он отодвинется от меня, я вылечу напрямик в открытое окно, обратно в покинутую мной реальность.

– Ну да, живой! – с недоумением подтвердил он.

Я шмыгнула носом, попыталась объяснить:

– Но ты же... ты погиб двенадцать лет назад. – И едва я произнесла эти слова, комната начала расплываться у меня перед глазами. В панике я ухватила Патрика за руку.

– Хорошая моя, что ты сказала? – откуда-то издали донесся его голос. – Как тебе такое в голову пришло?

– Потому что... – Я запнулась, видя, как продолжает тускнеть и размываться окружавший меня мир. Должно быть, своим сомнением я уничтожала его. Значит, это все-таки сон, ведь именно так происходит, когда слишком глубоко проваливаешься в сновидение. Но что бы это ни было, я отчаянно хочу уцепиться, задержаться здесь, насколько смогу. Поняв, я сделала глубокий вдох, криво улыбнулась и сказала: – Сама не знаю. Не пойму, что на меня нашло. Прости. Конечно же, вот он ты, прямо тут.

И комната вновь навелась на резкость. И вновь Патрик здесь, у меня перед глазами. Несколько секунд я могла только изумленно озираться, вбирая в себя все это. Неправдоподобную синеву за окном. Пронзительную желтизну роз в синей вазе. Тускло-алые цифры на часах у кровати. словно кто-то расширил в два раза цветовую шкалу, сделав каждый оттенок отчетливым и невыносимо прекрасным. Я глядела на Патрика, и мне казалось, он тоже светится на фоне этих насыщенных красок – и тем не менее остается таким, как был. Только хмурится озабоченно.

– Ты меня пугаешь, Кэтили, – сказал он, и комната вновь начала мерцать, а я еще отчаяннее уцепилась за его руку.

– Нет, нет, прости, – торопливо повторяла я. – Мне плохой сон приснился.

Едва произнесла эти слова, я взмолилась про себя: пусть они окажутся правдой. Может быть, *вот это* – реальность, а все, что случилось в последние двенадцать лет, – всего лишь страшный сон.

– Тебе приснилось, что я погиб? – Он смотрел на меня с тревогой, и я почувствовала, как слезы вновь подступили к глазам.

– Патрик, ничего страшнее я вообразить не могла. Ты не представляешь, как я счастлива снова оказаться здесь, с тобой.

Его лицо смягчилось.

– Конечно, я тут, с тобой. Где же еще мне быть? – Он с улыбкой пихнул меня локтем. – Или за двенадцать лет тебе надоело просыпаться рядом со мной?

Я выдавила смешок, хотя это не было смешно. Ни капельки.

Он снова глянул на меня с тревогой и отодвинулся:

– Ты сегодня очень странная. Давай-ка принесу тебе кофе – и таблетку ибупрофена. Годится? – Он поднялся, шагнул к двери, а я, не соображая толком, что творю, потянулась с кровати и ухватила его за руку.

– Только не уходи! – закричала я.

Если он выйдет из комнаты, я конечно же никогда его больше не увижу.

– Хорошо, – осторожно ответил он. – Пошли вместе?

Я кивнула, чувствуя себя полной дурой, и Патрик, в очередной раз опасливо покосившись на меня, помог мне встать. Голова кружилась: стоило приподняться – и опять все поплыло.

Патрик взял меня за руку и повел в коридор. По пути я выглянула в окно и убедилась, что полуразвалившееся похоронное бюро, торчавшее напротив, снесли, вместо него теперь симпатичный зеленый двор, тренажеры под открытым небом, желтая горка, тополь растет.

– Все изменилось, – пробормотала я.

– Кейт. – Голос Патрика слегка сел от тревоги. – Ты, кажется, все-таки заболела.

Я обернулась к нему, он так близко, невозможно дышать. Я сделала шаг ближе, прижалась к нему, и тело вдруг вспомнило, как точно я умещалась у него под мышкой. Я погладила его по лицу: утренняя щетина на подбородке – что может быть реальнее?

– Я... я не понимаю, как попала сюда. – Я подбирала слова, пытаюсь объяснить, что со мной творится. Коридор замерцал, заискрился по краям: снова я нарушила тонкую ткань сна.

– Где же тебе и быть, если не со мной? – Патрик присмотрелся ко мне, бережно меня развернул и повел обратно в спальню. – Знаешь что, дорогая? Давай я лучше принесу тебе ибупрофен. Ты сегодня сама не своя. Поваляйся еще немного в постели.

Я позволила отвести меня в спальню. Он прав: я в полном смятении, ноги подкашиваются.

– Не уходи! – шепнула я ему.

– Я на минутку, – сказал он, подтыкая под меня одеяло. – Обещаю.

– А еще ты обещал, что всегда будешь со мной, – прошептала я, когда он скрылся в коридоре, а я осталась лежать, глядя в потолок и пытаюсь разгадать, что же происходит. Почему мне все здесь так знакомо? Почему я отчетливо знаю все наперед? Знаю, что пузырек с ибупрофеном, за которым Патрик пошел, – дженерик от «Дуан Рид», – стоит в ванной на второй полке возле раковины, и там осталось не более дюжины таблеток. Знаю, что в списке покупок, который висит на холодильнике, ибупрофен значится под молоком, маршмеллоу, арахисовой пастой, замороженным луком и туалетной бумагой, и весь этот листок исписан моим почерком. Откуда мне известно, что, попытаюсь я сейчас включить лампу на тумбочке с другой стороны кровати, где обычно спит Патрик, она не загорится, потому что лампочка перегорела прошлой ночью? Глубоко вдохнув, я потянулась к лампочке и щелкнула кнопкой на цоколе. Не включается. Я устало выдохнула, сдаваясь.

Невозможно отделаться от мысли, что это не сон, а самая подлинная реальность. Но как такое может быть?

Прислушиваясь к стуку собственного сердца, я потянулась за телефоном. Мы так и не отказались от стационарного аппарата, вспомнила я, потому что Патрик считает его более надежным: вдруг однажды понадобится набрать 911? *Откуда я это знаю?* Покачав головой, я набрала домашний номер сестры. Если все это реально, должно быть, она тоже попала в эту параллельную реальность и сможет мне все объяснить.

Но из трубки доносится механический голос: линия отключена. Я кладу трубку, потом беру ее снова и набираю тот же номер еще раз – наверное, в смятении я перепутала цифры. Тот же механический голос. Я попробовала позвонить на мобильный, однако вместо голоса сестры автоответчик ответил мужским басом. Под ложечкой засосало. С ней что-то случилось?

– Со Сьюзен все в порядке? – спросила я Патрика, едва он вернулся в комнату. Неужели во сне вместо мужа погибла моя сестра, один ужас заменен другим? – Пожалуйста, скажи мне, что все хорошо. Она ведь жива?!

Брови Патрика сошлись на переносице.

– Разумеется, жива, солнышко, – ответил он, и облегчение затопило меня теплой волной. – С чего ты вдруг?

– Я пыталась позвонить ей, – призналась я, и меня опять затрясло. Я повторила на память ее номер, словно пытаюсь таким образом вернуть.

– Да ведь это старый номер, Кэтили. – Мой муж покачал головой.

Я уставилась на него и вдруг сообразила – словно кто-то открыл в моей голове нужный файл:

– Она же переехала! Роб получил другую работу. Одиннадцать лет назад.

– Разумеется, – все так же озабоченно глядя на меня, подтвердил Патрик. – В Сан-Диего.

– Точно! – шепнула я. И тут же вспомнила, что Сэмми учится серфингу, что Келвин три недели назад упал, катаясь на скейтборде, и сломал руку, что они живут в маленьком желтом доме с синими ставнями в одиннадцати кварталах от океана. «Откуда мне это известно?» – спросила я себя.

Патрик улегся рядом, обхватил меня рукой, подтянул поближе к себе.

– Солнышко, что ты такое говоришь?

– Не знаю, – пробормотала я. Прикрыла глаза, вдохнула запах – лесной, коричный, единственный, несомненный, его. Прижалась к теплой, надежной груди. Я и мечтать не смела, что когда-нибудь это вернется. Приподнявшись, я стала его целовать, и поцелуи тоже оказались в точности как прежде. Губы Патрика нежны и податливы, и он, как всегда, погладил меня по правой щеке большим пальцем левой руки. Вкус его губ – вкус зубной пасты, жизни, любви, я целовала его жадно, изголодавшись, слезы снова хлынули из глаз, но, пока я целовала Патрика, я ничего не боялась.

Как вдруг меня пронзило острое чувство вины, и я снова отодвинулась от Патрика: *получается, я изменила Дэну?* Нет, ерунда. Никому я не изменяю. Это же все ненастоящее!

– Скажи, что любишь меня, Патрик! – шепотом потребовала я: необходимо услышать это прежде, чем на меня снова обрушится сокрушительная реальность.

Патрик слегка отодвинулся, чтобы прямо поглядеть мне в глаза.

– Сильнее, чем ты можешь себе представить, – очень серьезно ответил он. – Я знал еще прежде, чем тебя встретил...

– ...Что ты – моя судьба! – подхватила я, чувствуя на щеках мокрые дорожки от слез.

Он тихо, бережно целовал меня, волшебство продолжалось. Наш поцелуй становился все более страстным, но в этот момент из двери донеслось:

– Папа!

Я обернулась, как в замедленной съемке, и увидела девочку в розовой ночной рубашке. Волнистые каштановые волосы ниже плеч, огромные зеленые глаза, в точности как у Патрика. Сердце затрепетало.

Я тотчас ее узнала, хотя память отказывалась увязывать между собой известные мне факты: что ей через месяц, восьмого июля, исполнится тринадцать; что она любит *One Direction* и в особенности Луи, поскольку он самый взрослый; что ей нравится рисовать и играть на пианино. На прошлой неделе получила за словарный диктант 4 с плюсом, сделав ошибки в словах «благословение» и «физиономия».

– Привет, – тихо окликнула я.

Девочка испуганно посмотрела на меня:

– Мама?

Внутри что-то оборвалось.

Я снова обернулась к Патрику:

– Я – ее мама?

Я понимала – конечно, так оно и есть, но в ушах уже загудело. Я успела увидеть, как Патрик приоткрыл рот, чтобы ответить, ощутить, как он берет меня за руку, но свет уже стал нестерпимо ярким, и Патрик в нем постепенно растворялся.

– Вернись! – кричала я, но он меня не слышал.

Он пропал из виду, комната тоже исчезла. В самую последнюю секунду я почувствовала, как сильные живые пальцы выскальзывают из моей сжатой ладони.

Глава 4

Будильник вырвал меня из сна, и в тот же момент я припомнила прикосновение Патрика, теплое, надежное, живое. Я резко села, заморгала, привыкая к темноте.

– Патрик! – позвала я, но ответил мне лишь будильник – повторным пронзительным звонком. Я нажала кнопку и в наступившей тишине поняла, что вернулась в реальность, ту, которую делю с Дэном, ту, в которой я навеки осталась вдовой.

– Патрик! – бессильно повторяла я, уже зная, что его здесь нет.

Вот проступают очертания комнаты и исчезает последний ошметок надежды. Глухие жалюзи блокируют утренний свет, я узнаю прохладный шелк постельного белья. Сон был всего лишь сном. Патрика нет. Только никак не могу избавиться от ощущения полной реальности. Его прикосновений. Вкуса его губ. И этого яркого, небывалого света.

И хотя подробности нашей встречи быстро померкли после пробуждения, я никогда не смогу забыть девочку с прекрасными зелеными глазами – глазами Патрика. Совершенно живую. Совершенно мою. В той жизни я, несомненно, любила ее больше всего на свете. Горло сдавило, не продохнуть, когда это «мама» снова прозвучало в памяти.

Но ведь я откуда-то знала, что тринадцать ей исполнится восьмого июля, то есть она родилась через четыре месяца после того, как мы с Патриком впервые были близки, а значит, это – всего лишь сон, а не чудесное проникновение в ту жизнь, которая была мне предназначена.

– Я не ее мама, – прошептала я и сама удивилась, как мучительна мне эта трезвая мысль. – Это сон. – Но сердце колотилось, не принимая резонов, и перед глазами все еще стояло ее лицо.

Я включила лампу на тумбочке. Возле будильника – стакан воды, пузырек адвила и записка от Дэна: он рано умчался на работу, но надеется, что у меня не будет тяжелого похмелья. «Никогда не видел, чтобы ты пила столько шампанского», – снисходительно уточнил он.

Дрожащими руками я закинула в рот две таблетки, голова действительно разрывалась от боли. Запив таблетки, я снова откинулась на подушку и уставилась в потолок.

– Что со мной творится? – вслух спросила я.

Потом нащупала свой айфон и зашла на сайт для недавних вдов – YoungWidowTalk.com. Я время от времени туда заглядывала, хотя, конечно, не при Дэне. Забила в поисковое поле «яркий сон о муже» – выскочило несколько линков. Открывая их один за другим, я надеялась, что хотя бы одна вдова видела такой же невероятно реальный сон о своем муже – живом, в настоящем, – но попадались только сны о прошлом. Поразительно, как часто вдовам снится, будто покойный муж отвергает их ради новой подружки или жены. Меня эти рассказы опечалили: я и представить себе не могла, чтобы Патрик променял меня на другую. Я еще искала «ребенок во сне», но тут и вовсе линков не было. Похоже, мне выпала новая, уникальная форма безумия.

Со вздохом я отложила телефон и поднялась. Ноги холодил мраморный пол.

* * *

Как в полусне я провела утренние сеансы и к обеду прекрасно понимала, что в таком состоянии толку клиентам от меня чуть. Я попросила Дину, секретаршу, общую с еще тремя терапевтами, отменить приемы, назначенные на вторую половину дня.

– Что-то случилось? – с тревогой спросила она. – Вы же никогда не отменяете запись!

– Неважно себя чувствую, – ответила я. И не то чтобы сказала неправду.

Нужно было подождать, пока Дина всех обзвонит. Я вернулась в кабинет и вынула из ящика стола вставленную в рамку фотографию Патрика – я спрятала ее после пятого свидания с Дэном.

Годами эта фотография стояла у меня на столе, каждый день я много раз встречалась с ней взглядом. Но когда в моей жизни замаячили серьезные отношения с другим мужчиной, я сказала себе: пора расставаться с Патриком. Сказано – сделано. Но, видимо, не до конца.

И в эти два года я время от времени вынимала фотографию и вглядывалась в нее, ища ответа. Стоило мне увидеть эти спокойные, изумрудного цвета глаза, как в моей голове распутывались самые сложные проблемы.

Но сегодня, когда я достала фотографию, все только усложнилось. На фотографии он совсем молодой, не такой, каким я видела его ночью. *Это было во сне*, напомнила я себе. И все же. Легонько обвела пальцем его глаза, припоминая, как трогательны эти морщинки вокруг них – морщинки, которым еще только предстояло проступить. Коснулась густых темных волос. Как их украсила бы седина на висках...

Зажужжало переговорное устройство.

– Я всем дозвонилась, Кейт. – Металлический голос Дины заполнил кабинет. – Все пациенты на вторую половину дня отменены. – Помолчав, она все же спросила: – Все ли у вас в порядке? Может быть, что-то еще нужно?

– Нет, все прекрасно! – Я даже смешок смогла изобразить. – Спасибо!

Несколько секунд слышались только электрические щелчки. Потом:

– Хорошо, тогда я ухожу на обед.

– Отлично! – еще жизнерадостнее откликнулась я. – Значит, до завтра.

Я снова спрятала фотографию Патрика в ящик, под стопку тонких папок, и вынула телефон. Сьюзен ответила сразу же.

– Я взяла отгул на полдня, – сказала я ей. – Можно к тебе заглянуть?

– Что случилось?

– Ничего. Не могу повидаться с сестрой просто так?

– Обсудим это, когда до меня доберешься, – сурово предупредила она. Как всегда, видит меня насквозь!

Через полчаса такси остановилось возле кирпичного дома. Сьюзен встретила меня на пороге и молча вручила бокал белого вина.

– Всего час дня! – напомнила я, но от вина не отказалась.

– Я слышу по голосу, когда тебе надо выпить. Сегодня как раз такой случай.

Она повернулась и вошла в дом, не дожидаясь моего ответа. Я пошла следом, на ходу делая первый глоток. Сестра, конечно, права.

– Привет, ребята! – Я заглянула в гостиную, где приклеились к телевизору Сэмми и Келвин. Какая-то мультяшная мышь – незнакомый мне персонаж – учила уму-разуму мультяшного медведя, и Келвин радостно хихикал. Сэмми обернулась, улыбнулась и помахала мне. Я с грустью подумала о зеленоглазой девчушке из моего сна.

Сьюзен дожидалась меня в кухне, тоже с бокалом белого: на столике – открытая бутылка шардоне и мисочка с чипсами.

– Ну? – заговорила она, едва я вошла. – Выкладывай. Это из-за вчерашней помолвки?

– Нет, – тут же выпалила я. Сьюзен вопросительно изогнула бровь, и я, уставившись себе под ноги, забормотала: – Это глупо, но мне сегодня приснился безумный сон. То есть я думаю, что это был сон.

Голос мой замер, Сьюзен ничего не говорила, и я заставила себя поднять глаза и встретиться с ней взглядом. Спокойная, подтянутая Сьюзен. Мне бы научиться так себя держать. А меня трясло, как наркомана при ломке.

– Продолжай, – хладнокровно распорядилась она. И я рассказала обо всем: как проснулась подле Патрика, слышала его голос, ощущала прикосновение. Рассказала, что теперь у него на висках седина и он прибавил в весе, но прикосновение все такое же – знакомое до боли. Сестра смотрела все печальнее. Я договорила, чувствуя, как у меня по щекам катятся слезы.

Сьюзен вздохнула, поставила свой бокал на стол, обняла меня.

– Просто нервы, сестренка. Принять предложение Дэна – штука серьезная. И не такое могло присниться.

– Но раньше мне ничего подобного не снилось, – еле слышно возразила я. – Все так реально, словно происходило на самом деле.

– Ну конечно же. – Она разжала объятия, отступила на шаг. – Какая-то часть тебя угрызается, что ты поступаешь неправильно, живя своей жизнью, без него. Но давно пора, Кейт. В этом нет ничего плохого. Патрик хотел, чтобы ты была счастлива.

Я отпила еще вина и прикинула, стоит ли рассказывать о девочке с зелеными глазами, – увы, Сьюзен и без того наверняка подумала, что я схожу с ума.

– Мне показалось, будто я увидела мою настоящую жизнь, – только и произнесла я.

Сьюзен крепко ухватила меня за обе руки, требуя, чтобы я поглядела на нее.

– Вот *это* – твоя настоящая жизнь. Прямо здесь. Прямо сейчас. Понимаю, гибель Патрика была для тебя ужасным ударом, но с тех пор прошло много лет. Нельзя возвращаться к воспоминаниям всякий раз, когда у тебя появляется шанс сделать шаг вперед. Так вся жизнь пройдет мимо. Неужели ты этого хочешь?

– Нет. – Я шмыгнула носом, потом с трудом заставила себя посмотреть Сьюзен в глаза. – Но мне было очевидно, что мое место – там. Я знала там все. Откуда бы? Это был мой дом, мое место в жизни.

– Только послушай себя! Это только сон, – строго повторила она. – Скажи это, Кейт!

– Но... – Кейт!

– Это только сон, – послушно повторила я.

Тут в дверях кухни возникла Сэмми, и я поспешила скрыть от нее свои слезы, уткнувшись лицом в бокал, но от Сэмми не спрячешься.

– Что случилось с тетей Кейт? – спросила она маму, тревожно поглядывая на меня.

– Мы вспоминали твоего дядю Патрика, и тетя Кейт немножко загрустила, – ответила Сьюзен.

Сэмми была озадачена:

– Но у меня нет дяди Патрика.

Я задохнулась. Сьюзен повела Сэмми обратно в гостиную, и я слышала, как в коридоре она напоминает дочке о том, что у меня был когда-то муж и я иногда вспоминаю его и плачу.

Сьюзен вернулась через минуту, слегка покрасневшая.

– Ты уж нас прости, – сказала она. – Мы не говорим о Патрике при детях, они еще не готовы думать о смерти. Мне так жаль, что она тебя расстроила.

– Это я сегодня в кусках. Не ее вина. – Я выдавила улыбку и попыталась взять небрежный тон. – Кстати, тебе будет интересно: в моем сне вы переселились в Сан-Диего. У тебя наверняка был суперский загар. Так-то!

Сьюзен застыла:

– В Сан-Диего?

Я кивнула:

– Ага, одиннадцать лет назад, Роберту предложили там работу. Вот повезло!

Сьюзен сердито сжала губы.

– Я же просила родителей не говорить тебе, – пробормотала она. – Давно ты об этом знаешь?

– О чем?

– О предложении, которое сделали Роберту.
Я тупо уставилась на нее, и сестра нетерпеливо вздохнула.
– Через год после смерти Патрика Роберту предложили действительно очень заманчивую работу в Сан-Диего.
– Вот как! – По рукам у меня побежали мурашки.
Она кивнула.
– Но мы не захотели переезжать.
– Из-за меня? – пролепетала я.
Сьюзен помедлила с ответом.
– Ты бы поступила так же. Но от кого ты узнала? От мамы?
– Нет. – Я снова уперлась взглядом в пол, окончательно сбита с толку.
– Так кто тебе рассказал?
Я беспомощно пожала плечами – стук сердца оглушал меня.
– Патрик.

* * *

Ведь этого не может быть, никак не может быть. Патрик и та жизнь, которая была мне предназначена, такая отчетливая во всех деталях, – это только сон; но откуда же я тогда узнала про Сан-Диего?

Эта мысль не оставляла по пути от Сьюзен, пока я ехала на 86-м автобусе к метро. Мне не давал покоя не столько сон – хотя при виде Патрика ожило все то, что, как мне казалось, я давно похоронила. Непонятно было, что этот сон означал. Если я получаю информацию, которая как-то связана с реальностью, не кроется ли за этим нечто еще более важное?

– С ума не сходи, – сказала я себе, и довольно громко, судя по тому, как прохожий сочувственно глянул на меня и постарался обойти как можно дальше. Я виновато улыбнулась ему и больше не поднимала головы, пока не нырнула в метро.

Я села на шестой маршрут, но вышла не на Гранд-Сентрал, как обычно, а доехала до Бруклинбридж – Сити-холл, а оттуда пошла в западном направлении, туда, где была наша прежняя квартира. Я решила, что должна снова увидеть это место, хотя бы затем, чтобы навсегда убедиться: Патрика больше нет и нашей с ним жизни давно пришел конец.

Я сознательно избегала этого района Манхэттена с тех пор, как переехала. Я даже не приезжала к знакомым на день рождения, если они праздновали его здесь, я просила таксистов выбирать другой маршрут, пусть с их точки зрения и нелепый. Кое-как убедила себя, что самый облик этого района заперт в сейф вместе с прочими воспоминаниями о годах с Патриком, и ключ потерян. Но этой ночью сейф сам собой распахнулся.

Я добралась до двери моего прежнего дома, поднялась по ступенькам и, набрав в легкие побольше воздуха, прочитала список жильцов. Вот строчка 5F, где когда-то прямыми, уверенными буквами – на века – было выведено П.+К. Уэйтмен. Теперь под звонком написано просто: «Шуберт».

Я была разочарована – хотя чего я ожидала? Что Патрик по-прежнему живет тут в параллельной реальности вместе с привидевшейся мне дочерью, что их имена написаны тут всем на обозрение? Я покачала головой и снова вслух напомнила себе:

– Не дури.

И все же не удержалась от искушения и нажала кнопку звонка. Не дождавшись ответа, двинулась прочь и только тут заметила, что похоронного бюро на углу нет – в точности как в моем сне. Затаив дыхание, я нырнула в узкий проулок справа от дома. Оттуда, сквозь узкие щели новой деревянной ограды, я смогла разглядеть ряд тренажеров и крепкий тополь.

– Невозможно, – прошептала я, отступая, поспешно выходя из переулка на Чемберс-стрит, где уже темнело. Больше десяти лет я не заглядывала в эти места, откуда же мне известно об этих тренажерах и о тополе? Да еще во всех подробностях? Откуда я вообще о них знала?

Я вернулась и снова позвонила в квартиру 5F. Ответа по-прежнему не было. А я все ждала, точно надеялась услышать сквозь потрескивание статических разрядов голос Патрика. Безумие.

Патрика я похоронила ясным сентябрьским утром много лет назад.

Глава 5

Я вернулась домой в полпятого, просидела полчаса на диване, глядя в стену и ничего не соображая, а потом встала и направилась к бару в углу гостиной – обычно я в него не заглядываю.

Я с удовольствием выпью вина за ужином или пинту пива, болтая на досуге со Сьюзен, но в целом спиртным нисколько не увлекаюсь, так что если сейчас опрокину рюмку-другую чего покрепче, то, может быть, сумею снова уснуть, вернусь в то сновидение, к Патрику. Непременно нужно увидеть его снова, убедиться, что я еще не сошла с ума. Впрочем, не это ли пытаются доказать себе любой сумасшедший?

Я отыскала у Дэна бутылку «Бэзил Хейдена», налила немного поверх кубиков льда. Бурбон обжег горло и подействовал почти сразу. Через минуту голова уже поплыла, однако сна пока не было ни в одном глазу, поэтому я долила стакан почти до краев, сделала глубокий вдох и быстро все проглотила.

Через десять минут комната начала расплываться перед глазами. На ощупь я добралась до спальни и укрылась одеялом, благодарно зевая – в голове уже все мешалось.

– Сделай так, чтобы я проснулась рядом с Патриком, – шепнула я, не зная, кого прошу: Бога? Бурбон?

Вскоре я отчалила, но, хотя спала очень крепко, так ничего и не увидела. На следующее утро я очнулась у себя в спальне, рядом с Дэном. Без особой радости.

– Доброе утро, крошка. – Голос Дэна был еще сонным, он повернулся и крепче прижал меня к себе. Потыкался носом мне в шею, потом вдруг отодвинулся, сморщил нос: – Фу, Кейт, ты пахнешь как водочный завод.

– Извини, – пробормотала я. В голове долбило так, словно ее переехал грузовик. – Немного выпила вчера перед сном.

– Опять выпила? С тобой все в порядке?

– У-гу. – Я изобразила лучезарную улыбку, отчего в голове застучало еще сильнее. Пошла почистить зубы и заодно проглотила три таблетки ад-вила, потом вернулась в постель, рассчитывая еще несколько минут доспать, прежде чем встать окончательно. А вдруг...

Но Дэн обнял меня, прижался всем телом.

– Во сколько тебе на работу? – спросил он низким голосом – с намеком.

Я глянула на часы – прощай надежда поспать. Первый пациент явится только через полтора часа, и пришлось честно признаться Дэну, что время в запасе еще есть: было неловко, что всю ночь я мечтала проснуться рядом с другим мужчиной.

Мы занимались любовью лениво, медленно, и я вовсе не думала о Патрике, пока Дэн не ушел в душ, – и тут, когда я осталась в постели одна, и голова все еще гудела, я вдруг снова заплакала – потом поспешно вытерла слезы, встала и начала собираться.

Через пятнадцать минут мы с Дэном попрощались у двери, поцеловались, как вдруг он схватил меня за руку.

– Кейт! – обеспокоенно заговорил он. – Что с тобой такое? Ты словно не здесь.

Я еще не говорила ему про мой диагноз, про бесплодие, и едва ли сейчас был подходящий момент. Рассажу вечером, за ужином, и все устроится.

Так что я ответила:

– Нет, все в порядке.

Он заглянул мне в глаза:

– Точно? Ты сама не своя.

Я все еще думала над его словами – ведь он прав! – когда входила в приемную. Дина спросила, как я себя чувствую, и я пробормотала, что подташнивает, мне в самом деле было нехорошо. Выпивка и странные сны быстро доведут человека.

Глаза Дины радостно вспыхнули.

– Наверное, вы ждете ребенка! – пафосным шепотом заявила она.

– Вряд ли, – ответила я. Под пытливым взглядом Дины рука сама потянулась к плоскому животу, и я поспешила укрыться в кабинете и приготовиться к долгому дню, на протяжении которого думать о собственной жизни не придется.

* * *

В начале шестого, когда я уже собирала свою сумку, в кабинет решительно вошла Сьюзен с толстой папкой в руках.

– Что это ты вдруг? – удивилась я. За пять лет, что я здесь проработала, сестра побывала в моем кабинете лишь однажды. – С детьми все в порядке?

– Они с Робертом, – отмахнулась Сьюзен и протянула мне папку. – А мы с тобой едем в «Хаммерсмит» планировать свадьбу.

Я взяла папку, и от золотого тиснения – «миссис» – голову сдавило.

– Я обещала Дэну приготовить ужин.

– Это займет всего час, – пообещала она. – На обратном пути купишь еду навынос.

– Сьюзен...

– Послушай, – деловито заговорила она. – Понимаю, помолвка выбила тебя из колеи, отсюда и эти сны. Вот я и подумала: начнем планировать свадьбу, тебе полегчает. Чем реальнее будет становиться твоя новая жизнь, тем легче ты отпустишь прошлое. Верно?

– Это тебе доктор сказала? – спросила я. Сьюзен каждый четверг посещала психотерапевта, хотя я так и не поняла зачем, при ее идеальной жизни. О каких проблемах она там консультируется?

Сьюзен пожала плечами:

– Она тоже думает, что тебе станет лучше, когда ты сосредоточишься на настоящем. Так что же? Идем? Или мне напиться в одиночку?

Я вздохнула. Ладно, зато опробую на сестре монолог, который мне предстоит произнести вечером перед Дэном, – о бесплодии. Тем более я все равно должна ей об этом сказать.

– Ты угощаешь?

Через десять минут мы уже сидели в любимом нашем уголке «Хаммерсмита», английского паба за углом от моей работы, куда мы со Сьюзен заглядывали пару раз в месяц. «Наш» бармен Оливер принес Сьюзен шардоне, а мне «Гиннесс», но я изобразила рвотный позыв и заказала спрайт.

– Я должна тебе кое-что рассказать, – заговорила я, едва Сьюзен сделала первый долгий глоток. – Дэну я еще не говорила.

– Не говорила о чем? – рассмеялась она. – Тон у тебя уж больно серьезный.

Я сердито глянула на сестру – неужели не видно, как я расстроена?

– Сьюзен, я серьезно. У меня не может быть детей. Несколько дней назад врач поставил окончательный диагноз. Мои яичники отработали свое.

– О! – Она уставилась на меня, подумала. – Что ж, это в самом деле печально.

Я рассчитывала на другую реакцию. Ждала слез или каких-то слов утешения. А тут недоумение – не более того.

– И это все, что ты можешь мне сказать?

– Видишь ли, до сих пор я не знала, что ты собираешься обзавестись детьми, – ответила она, избегая моего взгляда. – То есть если бы ты и раньше пыталась забеременеть и получила такой диагноз, это и правда была бы трагедия. Но тебе уже сорок, так что я думала...

– Что? Что я не вправе родить ребенка? – взорвалась я. – Только потому, что собиралась сделать это не так рано, как ты?

Она преспокойно пожала плечами:

– Вовсе нет. Я просто имела в виду, что в сорок лет поздновато об этом задумываться. Думала, вы с Дэном давно все решили. А выходит, вы ничего даже не обсуждали?

– Нет! – сердито ответила я. – И сорок – еще не старость.

– Ясное дело, не старость. Между прочим, я на два года тебя старше.

– На два года и десять месяцев, – буркнула я.

Она смерила меня взглядом:

– Точно. Однако Келвина и Сэмми я родила, не дожидаясь сорока, потому что так надежнее. Ты же знаешь статистику, сестренка. Родить до сорока – намного безопаснее и для матери, и для ребенка.

– Да-да, – пробормотала я. – Какая жалость, что я не встретила Дэна пораньше, чтобы уложиться в твоё расписание.

Она опять пожала плечами.

– Самые ответственные годы – после тридцати – ты провела, спрятав голову в песок и думая только о Патрике. Вот Джина – она же нашла в себе силы жить дальше, а ты? Хотела бы ребенка – ухватила бы за эту возможность, а не тянула время.

Я в упор смотрела на сестру, чувствуя, что закипаю.

– Мир устроен немножко по-другому, Сьюзен. Я не могу вот так щелкнуть пальцами – и чтобы все стало по-моему. Ты даже не представляешь, каково это – потерять мужа.

Снова это движение плечами.

– Пусть так. Но я знаю, что Дэн – хороший парень. А ты опять все испортишь, если начнешь переживать из-за своего бесплодия и из-за детей, которых на самом деле не очень-то и хотела.

– Откуда ты знаешь, чего я хочу на самом деле? – Мой голос взлетел на целую октаву, и краем глаза я увидела, как покосился на нас встревоженный Оли-вер.

– Так расскажи мне, – ответила она. – Ты думала о ребенке?

– Да! Наверное. Не знаю. – Я не смотрела на нее, опасаясь прочесть на лице сестры «я же говорила!». – Но я не была готова к тому, что решат за меня.

– Кейт! – Голос Сьюзен смягчился. – Ты можешь себе представить Дэна в роли отца?

– Конечно, могу!

– Но он терпеть не может моих детей, – так же мягко продолжала она.

– Что ты говоришь? Как это – терпеть не может?

– Ладно, допустим, это сильно сказано. Однако ни малейшей симпатии к ним он не испытывает. Ты хоть раз видела, чтобы он общался с Келвином и Сэмми по собственной воле?

Я уже приоткрыла рот, собираясь защитить своего жениха, но вспомнила, что он в самом деле ни слова им не говорит, кроме «Привет!» и «Пока!».

– Он не умеет с ними обращаться, – признала я наконец. – Он не привык иметь дело с детьми.

– Милая, он *не любит* детей, – возразила Сьюзен. – Так что ты зря волнуешься о том, как он отреагирует на твой диагноз.

– Ты уверена? – переспросила я. Плечи распрямились, груз тревоги уже не так давил на них. Но взамен защемило под ложечкой.

– Убеждена: он будет вполне доволен, – решительно подтвердила она. Дождалась, пока я подняла глаза, и добавила: – Это твоя проблема, а не его.

Она выждала мгновение, а потом хлопнула в ладоши и улыбнулась:

– А теперь – начинаем подготовку к свадьбе!

– Шутишь, что ли? – вытаращилась на нее я.

– Почему шучу? – удивилась она.

Я сжала челюсти.

– Большое тебе спасибо за все, Сьюзен. Свадебная папка – чудесная идея. И все-таки прежде, чем начинать планировать, я должна поговорить с Дэном. Ребятам привет передай.

И, бросив на стол десятидолларовую купюру, я вышла, не дожидаясь ответа.

Я зашагала в сторону центра, но чем дальше шла, тем хуже становилось на душе. Конечно, Сьюзен не всегда меня понимает, но сердце у нее доброе. Надо извиниться. Я набрала ее номер, но он не отвечал. Сунув телефон в сумку, я тут же снова достала, чтобы позвонить Джине.

– Скажи, как тебе это удалось? – не здороваясь, спросила я.

– И тебе привет, – засмеялась она. – Ладно. Считаю, заинтриговала. Что именно мне удалось?

– Пережить Билла, – дрожащим голосом выговорила я. – Жить дальше. Найти другого человека. Выйти замуж, родить от него ребенка.

Джина вздохнула. Замуж она вышла через шесть лет после смерти Билла, их с Уэйном дочке, Мэдисон, уже три года.

– Нужно просто думать об этом как о другой жизни. Возможно, не той, что тебе предназначалась, – не той, которую ты считала своей судьбой. Но все же это *твоя* жизнь, такая же твоя, как и прежняя.

Я задумалась:

– Ты все еще вспоминаешь Билла?

– Дня не проходит. Но я уже не так сильно о нем тоскую.

Я подумала, можно ли рассказать ей, что я видела Патрика точно наяву. Нет, она сочтет меня сумасшедшей. Да может, я и впрямь сошла с ума.

– Не знаю, права ли я, что приняла предложение Дэна? Ведь какая-то часть меня все еще влюблена в Патрика.

– Даже и не сомневайся! – решительно ответила Джина. – Патрика ты будешь любить всегда. И это нормально. Только приходится напоминать себе, что его уже с нами нет.

– А если есть? – прошептала я.

– О чем ты?

Я растерялась:

– Никак у меня не получается отпустить его.

* * *

По дороге домой я постаралась все это продумать. В нью-йоркской толпе почему-то чувствуешь себя одиноко и спокойно. Ни с кем не встречаешься глазами, никто с тобой не заговаривает, так что, дойдя до дома, чувствуешь себя как после двадцати минут в звукоизолированной капсуле.

Дэн уже был на кухне – пил из бокала красное вино.

– Ты как, малыш? Сьюзен звонила мне, говорит, ты расстроена. Она беспокоится за тебя.

– Все у меня в порядке, – с принужденной улыбкой ответила я. – Честное слово. Спасибо, дорогой.

Он поставил бокал на столик и пошел меня обнять.

– Ну так? Как себя чувствует моя красавица-невеста? Я так понял, вы со Сьюзен планировали свадьбу?

– Самую малость, – кивнула я, и он мне улыбнулся.

– Слушай, не стоит оно такого напряжения, – сказал он. – Никакой спешки! Я знаю, невесты иногда чуть не в гроб себя загоняют, обо всем хлопочут, но мне совсем не хочется тебя обременять. Чем я могу помочь?

– Ты и впрямь само совершенство, – со вздохом признала я. – Но за меня не беспокойся. Я не из таких невест.

– Во всяком случае, об ужине на сегодня я позаботился, уже тебе легче, – сказал он, и мне стало жутко стыдно, ведь я обещала заняться готовкой. Тут, словно по отмашке режиссера, в дверь позвонили. – Вот и он.

За десять минут Дэн накрыл стол, зажег две тонких свечи, разложил китайские блюда по тарелкам так красиво, что ужин казался по-настоящему праздничным.

– Кто, кроме тебя, способен подать лоуминь на лучшем фарфоре! – не удержавшись, рассмеялась я.

– Вегетарианский, полезный лоуминь, – уточнил он. Налил мне бордо и поцеловал меня в макушку. – Все самое лучшее для моей девочки.

– Я должна тебе кое-что сказать, – заговорила я, когда мы утолили первый голод.

– Говори, малыш, – кивнул он.

– Несколько дней назад я была у врача, – начала я, внимательно следя за его реакцией. – Мои яичники перестали работать. Я не... мы не сможем завести ребенка.

– Кейт! – Он потянулся ко мне, но я еще не закончила:

– Ты все равно хочешь на мне жениться? То есть мы с тобой о детях раньше не говорили, но если это что-то меняет...

Мгновение он молча смотрел на меня, и сердце тревожно застучало. Потом перегнулся через стол и поцеловал меня.

– Разумеется, я хочу жениться на тебе, Кейт. – И добавил: – Нам вовсе и не нужны дети для полного счастья. Только ты и я. – И он широко, радостно улыбнулся.

Но под ложечкой все еще щемило, и пришлось сморгнуть слезу, прежде чем я решилась спросить:

– Но ведь мы могли бы взять приемного?

Он пожал плечами:

– Малыш, а может, нам просто не выпало стать родителями? И нечего переживать. Это не твоя вина. – И, не дав мне шанса возразить, резко сменил тему: – Так что вы со Сьюзен решили насчет места? Твоя сестра сказала, что принесла тебе целую папку с разными идеями. Я тоже тут подумал – например, осенью вполне можно устроить все под открытым небом...

Я пожалала плечами и словно отключила его голос. Он говорил и говорил, а я таращилась на стену поверх его плеча и старалась не заплакать.

В ту ночь Дэн уснул быстро и безмятежно, а я смотрела в потолок и вспоминала, как мы с Патриком лежали рядом и обсуждали, какие имена дадим нашим детям, сколько у нас будет семейных забав, – говорили о жизни, которую собирались прожить вместе.

Я все упустила, впервые подумала я. А теперь уже поздно. И с этой невеселой мыслью я наконец провалилась в сон.

Глава 6

Проснувшись утром, я сразу поняла, что вернулась в свой прежний дом, в тот странный, непривычно яркий мир, природу которого не могла постичь. И, задохнувшись от счастья, закрыла глаза и поблагодарила Господа, – пусть даже за то, что схожу с ума. Потом снова открыла глаза и увидела, как танцуют пылинки в солнечном луче. Я повернула голову – Патрик лежал рядом со мной.

Замерев, я следила, как приподнимается и опускается его грудь. Что я плачу, я догадалась, когда все стало расплываться перед глазами. Патрик пошевелился, повернулся по мне:

– Доброе утро, Кэтили! – Его голос, его зеленые глаза с лучиками морщинок, его широкая улыбка, чуть неровный ряд нижних зубов.

От нахлынувшего счастья и благодарности я не могла произнести ни слова. Только положила голову Патрику на грудь – он обнял меня. Я гладила его волосы, – сколько же в них седины, а раньше совсем не было. Все-таки удивительно, как меняют нас годы.

– Я бы хотела увидеть, как ты состаришься, – шепнула я, проводя рукой по его все еще мускулистой груди, где тоже начали пробиваться седые волосы. Насыщенные краски комнаты слегка замерцали, сердце пропустило один удар. Я напредила себе: нужно подыгрывать, внушать себе: моя жизнь – здесь. И ведь так оно и есть, иначе откуда я все это знаю?

Патрик рассмеялся, я чувствовала, как смех сотрясает его тело.

– Пока я для тебя недостаточно старый?

Я не смогла отшутиться, даже выдохнуть не могла. Он еще крепче обнял меня, ласково поцеловал, погладил по голове. Его щетина за ночь отросла и кололась, губы были теплые. Когда его язык проник в мой рот, я не удержалась и заплакала.

– Кейт! – Он прервал поцелуй, с тревогой поглядел на меня. – Что ты, Кейт?

Я покачала головой, боясь развеять волшебство. Может, сменить тему?

– А что наша... дочка? – Я не знала, что можно спросить о ней, не нарушив тонкой ткани сновидческого мира, поэтому остановилась на полуслове.

Патрик погладил меня по щеке, присматриваясь:

– Ханна? А что такое?

Словно дверца отворилась внутри.

– Ханна! – пробормотала я. – Какое чудесное имя. Патрик взглянул на меня встревоженно:

– Снова ты чудишь.

Комната стала тускнеть, и я поспешно исправилась:

– Я только подумала, какие же мы счастливые.

Он широко улыбнулся:

– О, я – безусловно, самый счастливый человек на свете. А теперь давай, чудачка моя, подъем.

Он вылез из постели, но я последовала за ним не сразу. Его слова – что он самый счастливый – поразили меня в самое сердце. Ведь на самом деле у него ничего этого не было и не будет – ни детей, ни прекрасного среднего возраста, ни радости просыпаться рядом с одним и тем же человеком из года в год, горестно думаю я.

А Патрик тем временем наливал воду в кофейник – я застала его на кухне, выбравшись наконец из постели. Подошла сзади, прижалась лицом к обнаженной спине. Глубоко вдохнула его запах. Был бы у меня такой пульт – чтобы нажать кнопку «стоп» и застыть в этом мгновении навеки...

– Прости, я, наверное, веду себя странно, – сказала я, когда он завернул кран. – Не могу толком объяснить, что со мной происходит. Мне кажется, словно... словно тебя очень давно не было...

Он поставил кофейник на плиту и обернулся, обеими руками обхватил меня.

– Я всегда тут, моя хорошая, – сказал он. – Всегда с тобой. И ты, пожалуйста, кончай это дело – не води себя так, словно ты не отсюда. Ты меня уже немножко пугаешь.

– Прости. Конечно же я отсюда. – Я судорожно цеплялась за эти слова, уповая, что они каким-то образом станут правдой. Цвета вокруг сделались еще ярче, предметы проступили отчетливее. В очередной раз я поразились, какие здесь живые краски, как все словно течет и переливается.

– Конечно отсюда. – Снова на его лице промелькнуло недоумение. – И давай-ка позавтракаем. Может, это ты с голоду? Как насчет омлета и хрустящего жареного бекона?

О, эта незаживающая рана! Таким же точно завтраком он угощал меня в день своей смерти.

– Замечательно! – пробормотала я.

– Прекрасно! – Он достал из холодильника бекон и картонку с яйцами, повернулся к шкафчику за сковородкой, а я сквозь слезы следила за каждым его движением. Пока мой муж разбивал над миской яйца и взбивал их, подробности нашей с ним жизни нахлынули непонятно откуда, и я вновь убедилась, что знаю здесь все до мелочей. Например, что Патрик девять лет назад бросил работу страхового консультанта, потому что она ничего не давала душе, и я поддерживала его, как в свое время он поддерживал меня – чтобы я получила дополнительное образование. Теперь он работает в мэрии, в департаменте стратегических инициатив, а в свободное время занимается новым общественным парком в нескольких кварталах от нашего дома, который назвали «Садом маленьких бабочек», потому что, когда парк только начали разбивать, восьмилетняя Ханна их обожала. Я вспомнила, что по деньгам Патрик существенно проиграл, бросив прежнюю работу, зато теперь он в тысячу раз счастливее, потому что приносит пользу всему городу. И почувствовала гордость за моего замечательного мужа.

Прикрыв глаза, я припоминала, что мне известно о Ханне, однако о ней я почему-то знала меньше. Точечно. Вспоминались отдельные моменты: как совсем крошкой она поскользнулась на игровой площадке и сломала ногу; а еще до самой школы была твердо убеждена, что она – фея, просто у нее пока не отросли крылья; первый зуб у нее выпал только во втором классе, и она очень из-за этого переживала, потому что все подружки ее опередили, – но больше ничего в голову не приходило. Патрик для меня был как открытая книга, а Ханна – словно роман, из которого вырваны самые важные главы.

Когда я вновь открыла глаза, то словно вызвала ее мысленным усилием: она уже брела в кухню по коридору, в пижамных штанах и в футболке с Микки-Маусом, кое-как заплетя в косички густые темные волосы.

– Доброутро. – Она улыбнулась нам с Патриком, и я впервые отметила странность ее произношения: что-то не то, но непонятно, что именно. Даже в этом коротком приветствии она слишком растянула гласные, а согласные прозвучали чересчур мягко. Какое-то нарушение речи, как у многих моих пациентов? Что-то пыталось проклянуться в памяти, что-то, что я должна знать, но никак не припомню.

– Доброе утро. – Я улыбнулась в ответ. Эта девочка – о ней я столько мечтала и плакала все эти двенадцать лет! Дочка Патрика, его продолжение. Сморгнув слезы, чтобы никто из них не заметил, я стала торопливо накрывать стол к завтраку. Полезла в шкаф, дрожащими руками достала три тарелки. Звякнула ими о стол, не удержав.

– Кейт? – окликнул меня Патрик, но я поспешно перебила:

– Все в порядке, накрою пока на стол.

Полезла в ящик с приборами – где он, я тоже прекрасно помнила, – но руки тряслись и слезы застилали глаза, так что вместо ножа для масла я ухватила разделочный. Лезвие выскользнуло из неловких пальцев, срезав краешек мизинца.

– Ой! – вскрикнула я, глядя, как тянется по ладони алая лента.

Патрик бросился ко мне, схватил за руку.

– Ничего себе поранилась! Ханна, принеси маме пластырь, пожалуйста.

Ханна кивнула и выбежала из кухни. Патрик снова обернулся ко мне, но я глядела не на него, а на свою руку.

– Я порезалась! – выговорила я в изумлении.

– Вижу, милая. – Патрик схватил бумажное полотенце, осторожно прижал бумагу к пораженному пальцу. – Подержи так минутку, хорошо? Сильно болит?

Но я по-прежнему в немом изумлении глядела на собственную кровь.

– Я порезалась! – повторила я. *Если это сон, то от боли я ведь должна была проснуться, как возвращается к реальности уцепивший себя человек?*

Вернулась Ханна, протянула Патрику упаковку с пластырем, тот быстро ее вскрыл и заклеил мне ранку.

– Ну вот, – сказал он. – Как новенькая.

– Как новенькая, – эхом отозвалась я, все еще глядя на свою руку и не веря глазам.

Патрик слегка сдвинул мне плечо, потом обернулся к Ханне и улыбнулся.

– Так, детка, – сказал он, хватая лопатку и преувеличенно ею размахивая. – Будешь французские тосты или яичницу с беконом? Заказы принимаются.

Ханна рассмеялась – чудесный смех, – склонила голову набок.

А потом она сделала то, что застало меня врасплох: ответила Патрику на языке жестов.

Еще больше меня поразило, что я понимаю каждое слово.

«Яичницу, пожалуйста! – изобразила она знаками, а потом глянула на меня и добавила, тоже знаками: – Что такое? Почему ты так странно на меня смотришь?»

У меня буквально отвисла челюсть.

– Она глухая, – прошептала я, обращаясь к себе, а не к Патрику, но он оглянулся в тревоге, и по лицу Ханны тоже скользнула тень. Я подняла руки, чтобы ответить ей жестами: «Все в порядке, Хан-на, извини», – но вдруг осознала, что, хотя в этом сновидении я прекрасно понимаю Ханну, сама говорить на языке жестов не умею.

Я обернулась за помощью к Патрику, меня охватила паника, и я увидела, что он уже тает, как и вся кухня.

– Нет! – закричала я. – Нет! Я не готова!

– Кейт? – Патрик шагнул ко мне, но в окна хлынул свет, стирая и его, и кухню.

– Я люблю тебя, Патрик, – и Ханну, скажи ей, что я ее люблю! – успела я крикнуть, прежде чем свет ослепительно вспыхнул, а затем все поглотила тьма.

Глава 7

Я проснулась: голова болит, мизинец дергает. Понадобилось несколько мгновений, прежде чем все подробности – поцелуй Патрика, порезанный палец, Ханна, говорящая на языке жестов, – обрушились на меня. Я приподнялась, громко выдохнула – и разбудила Дэна.

– Что случилось? – сонно спросил он и тоже сел в постели.

Поморгал и вытаращил глаза:

– Кейт! Что у тебя с пальцем?

Я тоже глянула и онемела: кончик мизинца, порезанный во сне, сильно кровил.

– Боже! – только и смогла я выговорить.

– Сейчас принесу пластырь! – Дэн уже вскочил и побежал в ванную. – Глубокий порез? Может быть, отвезти тебя в травму, пусть зашьют? Как это ты ухитрилась во сне порезаться?

– Со мной все в порядке, – пробормотала я, поднимая руку и глядя, как кровь течет по ладони. – Ведь правда? – спросила я сама себя.

Дэн успокоился, только когда обработал мою ранку неоспорином и заклеил пластырем, убедившись, что она не так уж глубока. Я что-то выдумала насчет того, что ночью вставала попить и порезалась, когда ставила стакан в посудомойку и задела нож. Дэн вроде бы поверил.

Он отправился играть в мяч со своим приятелем Стивеном, а я послала Джине СМС и попросила подъехать к отделению неотложной помощи в Бельвью.

«Господи, что случилось?» – отстукала она в ответ.

«Со мной происходит что-то непонятное».

Она послала мне ряд вопросительных знаков, но я не стала ничего разъяснять и получила от нее еще одну СМС: «Еду. Ты как?»

«Не знаю», – ответила я.

Полчаса спустя – я сидела в очереди к врачу – в приемную ворвалась Джина.

– Кейт, какого черта? – взорвалась она. – Посылаешь мне какие-то безумные СМС и ничего не объясняешь. Что случилось? Сьюзен уже тут?

Я покачала головой: – Сьюзен не поймет.

– Чего она не поймет? Кейт, ты сию минуту объяснишь мне, что с тобой творится. Ты меня напугала!

Я собралась с мыслями:

– У меня снова был сон с Патриком. То есть я думаю, что это сон. Что же еще, если не сон? Но во сне я знаю то, чего никак не могу знать, а оказывается, в реальной жизни это так и есть. И, Джина, эти сны такие живые! Я не понимаю, что со мной.

– Ох! – Я увидела в ее глазах печаль и тревогу. Джина села рядом: – Расскажи обо всем по порядку.

И я рассказала о том, как наутро после помолвки проснулась рядом с Патриком. Как это было странно и прекрасно – увидеть его, разглядеть все, вплоть до проседи в волосах, морщин в уголках глаз, наметившегося животика. Я рассказала, насколько все было реально: прикосновение Патрика, его запах, ровный стук сердца.

Я рассказала Джине про нынешнюю ночь, только не стала говорить о Ханне, потому что ее присутствие словно бы снижало достоверность моих видений. Патрик существовал и прежде, возможно, он сумел каким-то образом пересечь границу между тем миром и этим, – но откуда взялась Ханна, девочка, которая никак не могла быть нашей дочерью и все же звала меня мамой?

Джина слушала неотрывно, и я с облегчением видела, что она вовсе не осуждает меня. Когда я закончила, она на миг опустила глаза, а когда снова подняла взгляд, я увидела печаль в ее глазах.

– Мне тоже довольно долго снился Билл, – сказала она. – Не так отчетливо, как тебе, но даже от таких редких и смутных снов я каждый раз на несколько дней слетала с катушек. – Помедлив, она добавила: – Это ведь никогда не уйдет окончательно? Наше горе останется с нами.

Я покачала головой и почувствовала, что давивший на плечи груз становится легче. С утратой мужа ты словно вступаешь в тайное общество. В клуб, о членстве в котором никто не мечтает, но понимать, что ты не одна такая, утешительно.

– Но такие сны – вполне нормальны. Правда же, Кейт?

– Но каким образом я порезала мизинец? – спросила я, предъявляя ей замотанный пластырем палец.

– В смысле? – Джина уставилась на мою руку.

– Во сне я порезала мизинец, – пояснила я. – А когда проснулась, кровь уже текла на постель. Как это возможно?

Глаза у нее еще больше расширились.

– Ну... наверное... наверное, ты бродила ночью, как лунатик, и обо что-то порезалась.

– И не проснулась?

– Н-не знаю. – Она призадумалась. – Но ты же не хочешь сказать, будто твои сны – реальность?

Настал мой черед прятать глаза.

– Конечно, это выглядит безумием. И все же: откуда взялись во сне вещи, о которых я не могла знать? Например, что Роберту одиннадцать лет назад предлагали другую работу?

– Этого я объяснить не могу – либо совпадение, либо ты случайно что-то услышала от Сьюзен или мамы, – задумчиво ответила Джина. – Что же касается всего остального, твой мозг, думаю, пытается приспособиться к новой жизни, в которую ты вступаешь.

– Но ведь эти сны, наоборот, возвращают меня к прежней жизни?

– Кейт, ее не вернешь. Эта страница перевернута навсегда. Мне тоже понадобилось немало времени, чтобы все осознать – осознать по-настоящему, – а потом жизнь стала налаживаться. Может быть, просто пора еще не пришла.

* * *

Компьютерная томография головного мозга, осмотр невропатолога, анализ крови – все в норме. Врачи подтвердили, что у меня нет ни опухоли мозга, ни других проблем, кроме психологических. Отправили меня наложить швы на мизинец и предложили сходить к психиатру, а психиатр выписал снотворное – антидепрессант, который я ни за что принимать не стану, и тоже сказал, что все мои симптомы укладываются в норму. За исключением порезанного мизинца.

– Впрочем, явления лунатизма тоже нередки, – пожал плечами доктор. – Уверен, это с вами и произошло.

– Но почему все настолько отчетливо? – настаивала я. – И откуда я знаю то, чего на самом деле знать не могла?

Он снова пожал плечами:

– О подсознании нам известно далеко не все, миссис Уэйтмен. И все усилия разобраться только добавляют путаницы. Советую вам отдохнуть и ни о чем таком не думать. Сны иногда обладают огромной убедительностью. Главное – помнить, что это все-таки сны.

Но все следующие дни меня преследовали мысли о Ханне. Неумение общаться на языке жестов вырвало меня из второго сна, и теперь я только и думала, как стану говорить с Ханной, если вновь проснусь в той параллельной жизни. А если бы я научилась языку жестов – смогла

бы вписаться в тот другой мир, продержалась бы в нем чуть дольше? Палец все еще болел, и ничего подсознательного в этом не было.

Утром в понедельник, промучившись бессонницей, я приехала в свой кабинет за полчаса до первого пациента и принялась искать в интернете сведения об американском языке глухонемых. Быстро заучила знаки «мама», «папа», «дочка», «люблю» и «здесь» и не раздумывая щелкнула на значок четырехмесячных курсов языка глухонемых в двух кварталах от моей работы.

Занятия начались неделей раньше, но в ответ на письмо с вопросом, не опоздала ли я, тут же пришел ответ от администратора: нет, если я готова заниматься, можно присоединиться к группе. Для этого я должна явиться в среду вечером, около шести, и вручить квитанцию об оплате занятий преподавателю по имени Эндрю Хенсон.

«Непременно буду», – ответила я, не дав шанса разуму отговорить меня от этой затеи. Нажав «отправить», я ощутила счастье. Правда, идиоткой я себя тоже чувствовала, ведь я понимала, что никакой Ханны не существует. Но уж лучше заниматься на курсах, чем напиившись среди бела дня бурбоном в надежде заснуть.

Дина нажала кнопку интеркома и сообщила, что явился первый пациент. Я поспешно захлопнула ноутбук – словно искала там порно, а не язык жестов.

В кабинет вошел Лео Голдстейн. Темные круги под глазами, подбородок воинственно выпячен, рукава закатаны.

– Вот он я! – возвестил подросток, хлопаясь на диван против моего стола. – Чего делать будем?

Сегодня он какой-то бледный, огорчилась я и пересела поближе к нему в кресло. Присмотревшись, я заметила у него на правой руке поблекший синяк – лиловое пятно с желтовато-зеленым обводом.

– Лео, что с рукой? – спросила я.

Он глянул, нахмурился и опустил рукав.

– Ничего, – поспешно сказал он и тут же исправился: – Споткнулся на баскетбольной площадке.

Мать привела его ко мне примерно четыре месяца назад, когда у Лео начались проблемы в школе на Томпкинс-сквер. С самого начала мальчик ясно дал мне понять, что ненавидит мои занятия и, соответственно, меня, однако в таком возрасте это обычная история. Постепенно оттает, решила я. И у нас действительно стало что-то получаться.

Как Лео ни бухтел – и пение, дескать, занятие для детсадовцев, и барабанная дробь на бонго никому на фиг не нужна, – он все же начал понемногу вылезать из своего панциря. У нас сложился особый ритуал: он угрюмо заходит в кабинет, мрачно бурчит, что все у него в порядке, а потом, когда я ставлю перед ним ксилофон, светлеет лицом.

Чаще всего мы играли битлов, «ретро, но клевое», по определению Лео. Идея была его. Я стараюсь по возможности следовать желаниям клиентов: чем ближе им музыка, которую мы выбираем, тем эффективнее терапия.

Важно было заставить Лео не только слушать, но и играть – таким образом мы с ним вырабатывали общий язык. Иногда ведь трудно взять и признаться, что ты зол на весь мир, но можно сообщить это без слов, лупя палочкой по клавишам. Вроде языка глухонемых, подумалось мне: мысль передается без слов. Нужно лишь освоить этот язык.

– В общем, разучил *You Can't Do That*, – сообщил Лео, отводя взгляд. – На айпаде.

– Из альбома *Hard Day's Night*.

– Ага. Шестьдесят четвертого года, – уточнил он с такой уверенностью, словно сам присутствовал при выпуске альбома. – Хотите послушать?

– Еще бы. – Я отложила бумаги, достала палочки, умышленно затягивая паузу. – Но этот синяк... похоже, ты здорово ушибся.

– Ничего особенного. – Тон резкий, глаза бегают. – Даже не больно ни капли.

– Седрик был там?

Лео заколебался. По тому, как заметался его взгляд, я поняла, что угадала.

– Да вроде, – пробормотал он. – Не помню.

– Ты дал ему сдачи? – тихо спросила я.

Он рассматривал свои ладони.

– Нет, – ответил он наконец. – Он с друзьями был. Вся кодла.

– Придурки, – пробормотала я.

Лео – высокий, худощавый – обещал вырасти красавцем, но пока был тощий как жердь. За это его безжалостно дразнил Седрик Мейсон – парень на год старше и чуть ли не на двадцать кило толще. В травле, упиваясь безнаказанностью, с удовольствием участвовали и приятели Седрика.

К тому же Седрик умел выпутаться из любой ситуации, язык у него хорошо подвешен, так что стоило Лео дать сдачи, как его же и объявляли «проблемным ребенком». Каким-то образом учителя ухитрились ни разу не заметить, как Седрик бьет исподтишка кулаком или шепотом обзывается. В итоге Седриком все довольны, а Лео не вылезает из кабинета директора.

Мать привела его ко мне по рекомендации школьного психолога. Она не понимала, откуда у сына эти вспышки агрессии, и понадобилось три встречи с ним, прежде чем я поняла, что Лео вовсе не зачинщик: он жертва травли, но не хочет этого признавать. К тому времени, как я поговорила с его родителями и объяснила им ситуацию, они уже приняли решение сделать наши занятия еженедельными: мальчик стал лучше учиться, лучше вел себя дома.

Я протянула Лео палочки, и он улыбнулся – первая настоящая улыбка с того момента, как он вошел в кабинет, – и начал отстукивать песню битлов. Я в очередной раз поразились его слуху и беглости игры. Через мгновение вступила и я – с партией гитары.

– Что эта песня для тебя значит? – спросила я, когда мы доиграли до конца. Таково основное правило нашей работы с Лео: он должен объяснить, почему выбрал именно эту песню. Еще один способ начать разговор.

– Не знаю, – потупившись, ответил он.

Я терпеливо ждала продолжения.

– Наверное, когда он поет, что ее бросит, я представляю, как Седрик швыряет в меня камнем, – пробормотал наконец Лео. – И еще, он там говорит, над ним все будут смеяться – со мной такое тоже иногда бывает.

Я киваю: отлично, он уже решается на подобные признания. Конечно, герой песни грозит девушке бросить ее насовсем, если она еще раз заговорит с тем парнем, но Лео извлек из этих слов совершенно другой смысл. Это-то и ценно в музыкальной терапии: одни и те же слова, одни и те же ноты значат для каждого свое, в зависимости от того, что с тобой происходит.

– Ты говорил учителю про Седрика? – спросила я.

Лео покачал головой:

– Ябед еще не так бьют.

– А родителям рассказывал?

Он молча колотил палочкой по клавишам, а потом вдруг спросил:

– У вас дети есть? – И, не дожидаясь ответа, ткнул пальцем в фотографии у меня на столе, два снимка, где мы вместе с Дэном: – Это кто?

– Мой бойфренд, – ответила я. – Вернее, мой жених. И нет, детей у меня нет.

– Почему? – Он перестал стучать палочкой и принялся вертеть ее в руке.

Дети всегда норовят переключить разговор на меня, однако они приходят на занятия музыкальной терапии не затем, чтобы подружиться со мной, а чтобы лучше разобраться в себе.

Я ищу баланс: с одной стороны, отвечать надо честно, потому что взрослые обязаны принимать детские вопросы всерьез, а с другой – попытаться избежать чересчур личного разговора.

Я пожала плечами:

– Почему ты об этом спросил?

– Просто хочу знать.

Я снова выдержала паузу, ожидая продолжения. Молчание столь же эффективно, как и музыка, нужно лишь научиться им управлять. Через несколько мгновений Лео принялся вновь наигрывать мелодию той же песенки, но мысли его витали далеко.

– Вот вы бы никому не позволили бить вашего ребенка, – дрогнувшим голосом выговорил он, перестав играть. – Я уверен, вы бы за него заступились.

Так вот к чему он вел.

– Лео, если тебе плохо в школе, то не потому, что твоим родителям все равно.

Он сжал челюсти.

– Мой отец твердит, что я должен постоять за себя, врезать Седрику в ответ. Но тогда Седрик меня в мясо измолотит. Или сам, или его дружки. Думаете, папа этого хочет? Чтобы меня изувечили?

– Разумеется, нет, Лео. Он просто пытается тебе объяснить, что довольно часто такие задиры оставляют в покое того, кто сумеет дать им отпор. Вовсе не потому, что ему все равно.

– Ну да, конечно. Вот вы бы не допустили, чтобы вашего ребенка измолотили. Будь у вас ребенок, – ворчит он, – уверен, вы бы нашли способ все уладить, чтобы вашему ребенку было хорошо.

* * *

Дэн явился, когда я стояла у плиты и готовила спагетти с креветками под чесночным соусом.

– Здорово пахнет, – сказал он, подходя ко мне сзади и тыча носом мне в шею. – Люблю, когда ты готовишь, малыш.

– Откроешь пока вино? И – может быть, накроешь на стол?

– Конечно. – Он откупорил белый совиньон, налил нам по бокалу и отправился в спальню переодеться. Через минуту из душа послышался шум воды. Вот зачем? Дэн же знает, что ужин практически готов. Патрик бы никогда так не поступил, подумала я, но тут же себя одернула. Нечестно сравнивать будущего мужа с бывшим.

Но пока я сама накрывала на стол, допивала вино и наливала воду в стаканы, я все же невольно продолжала их сравнивать. Дэн – прекрасный человек, как и Патрик, но на том сходство и кончается. Впервые я поймала себя на мысли: а вдруг больше всего меня в Дэне привлекает именно это – что он ничем не напоминает Патрика? Само совершенство, сияющий идеал, принц из сказки, – а Патрик был грубоватым, теплым и очаровательно неидеальным.

Раскладывая по тарелкам спагетти, добавляя креветки и маслянистый чесночный соус, я никак не могла отогнать печаль. Мы с Патриком часто готовили вместе, мне нравилась близость, которая возникала на кухне. Мы чувствовали себя командой: когда он готовил, я резала овощи на салат, или мыла посуду, или накрывала на стол. Когда готовила я, он разливал вино, наводил порядок, спрашивал, чем помочь. Такое приятное чувство локтя. А с Дэном его нет.

И мы понимали друг друга с полуслова. Мне достаточно было начать фразу, и он уже знал, о чем я. Или он, бывало, произнесет лишь имя – «Линн», – и я понимаю, что у него выдался трудный день, начальница достала, ему нужно несколько минут побыть в тишине, чтобы прийти в себя. Или я говорила: «Пять», то есть ужин будет готов через пять минут, – и Патрик начинал разливать воду по стаканам. Он мог тихо выдохнуть: «Кэтили», – и мы смот-

рели друг другу в глаза, а потом бросали все и спешили в спальню. У нас было множество таких слов, заменяющих целый разговор, а с Дэном – кажется, ни одного.

Я даже ничего не знаю о его детстве, о событиях, которые его сформировали. Не знаю, кем он мечтал стать, когда вырастет, как складывались его отношения с одноклассниками, какие книги и фильмы он любил, пока рос. Зато я до сих пор помню, как звали лучшего друга Патрика по младшей школе, могу рассказать, как в седьмом классе он подрался из-за девочки, в которую был влюблен, и перечислить все его карьерные планы в хронологическом порядке, начиная с мусорщика и космонавта до повара, летчика и финансового аналитика.

Если я ничего не знаю о детстве Дэна, может, с нами что-то неладно? Или это естественно, раз мы познакомились уже не такими молодыми?

– Какой ты был в старших классах? – почти с отчаянием спросила я Дэна, когда тот несколько минут спустя вышел к столу – в пижамных штанах и футболке, благоухающий мылом.

Прежде чем ответить, он сунул в рот вилку со спагетти и запил глотком вина.

– Не знаю. Наверное, я примерно такой, как сейчас. А что?

– Мне кажется, я слишком мало знаю о тебе.

– Это да. – Он поглядел на меня как-то странно.

– Так расскажи мне, – настаивала я. Может быть, с помощью этих сведений я смогла бы закрыть пробелы, которые уже стала замечать в наших отношениях. – Расскажи, каким ты был.

– Странные у тебя вопросы.

– Сделай, как я прошу.

Он пожал плечами:

– Хорошо. В школе у меня все было в порядке. Я всегда хорошо учился. В средней школе играл в соккер, в старшей – в футбол, так что всегда имел успех. Никаких проблем с другими ребятами. Был королем вечеринок и так далее. Разве я тебе не рассказывал?

Я пропустила вопрос мимо ушей – да, это-то я слышала по меньшей мере раз десять.

– Но бывали же у тебя и трудные времена! – возразила я. – Когда тебя дразнили, или тебе было одиноко, или просто выдавалась черная полоса.

– Нет, не припоминаю. – Он присмотрелся ко мне. – А что? Тебя дразнили в школе?

– Да не особенно. Но иногда бывало тяжело. В пятом классе, например. Мы переехали в другой район, все ребята ходили в дизайнерской одежде, родители привозили их на дорогих машинах, а я приезжала на автобусе в футболке с Суперменом и юбке в горошек – я из них не вылезала. В тот год надо мной здорово потешались. – Я улыбнулась, надеясь развеселить Дэна, но он смотрел на меня с недоумением.

– Зачем же ты продолжала в этом ходить? – Он снова намотал спагетти на вилку.

Я вытаращилась на него:

– Потому что я – это я. И мне было десять лет. В моде я ничего не смыслила.

– Просто, по-моему, ты бы избежала ненужных проблем, если бы вела себя как все, – пожал он плечами. – Хотя, возможно, чего-то не улавливаю. К чему вообще ты об этом сегодня вспомнила?

– Не знаю, – еле выговорила я. – Подумала, хорошо бы нам больше узнать друг о друге.

Он еще раз пожал плечами и занялся едой, а у меня аппетит пропал начисто. Ковыряясь в тарелке, я старалась не думать, как рассказала Патрику о своем первом конфликте с модой и о том, какие проблемы доставлял мне в пятом классе мой любимый наряд. На следующий день Патрик принес мне футболку с Суперменом: «Помни, что ты всегда должна оставаться собой, ни на кого не оглядываясь, – сказал он. – Ты – самый прекрасный и самый невероятный человек во всем мире».

* * *

В тот вечер Дэн сидел в гостиной и отвечал на письма, а я улеглась с ноутбуком в постель и снова заглянула на сайт американского языка глухонемых. Ровно в 22:30 Дэн вошел в спальню и застал меня в тот момент, когда я изображала пальцами фразу: «Я люблю тебя больше Солнца и Луны».

– Что ты делаешь? – удивился он.

– Ничего, – ответила я и захлопнула ноут.

– Это язык глухонемых? – Он кивком указал на мои руки. – Ты учишься объясняться жестами?

– Да...

– Чего вдруг?

– У меня новый пациент. – Ложь вырвалась сама собой, и, когда я услышала эти слова, переигрывать было поздно.

Он рассмеялся:

– Ты же музыкальный терапевт. Как ты собираешься заниматься с глухим ребенком?

Я подавила приступ раздражения. В конце концов, неспециалист не обязан знать, что глухие тоже могут играть на музыкальных инструментах, они чувствуют вибрацию и следуют визуальным подсказкам.

– Ничего необычного в музыкальной терапии для глухих нет, – сказала я Дэну. – Даже тугоухие дети обычно имеют остаточный слух.

– А потом отправишься смотреть на звезды со слепыми.

– Наверняка есть и для этого какой-то способ, – парировала я. – Созвездия азбукой Брайля, что-нибудь такое. Даже инвалид должен ощущать все краски жизни.

– Но музыка для глухих? Для глухих, Кейт? Ты что?

– Музыка – не только то, что слышишь ушами.

– Теперь ты выражаешься в стиле этих чокнутых – философия нью-эйдж и так далее.

Я тихонько фыркнула.

– Я выражаюсь как музыкальный терапевт, который хочет попробовать что-то новое.

Однако мне ничего не было известно о возможностях музыкальной терапии для глухих и слабослышащих детей. Надо бы разобраться, как только найдется время. Хотя, пожалуй, это глупо. Прочесывать специальные журналы в поисках информации о музыкальной терапии для глухих – спрашивается, ради чего? Чтобы поиграть Ханне на гитаре, если она и Патрик приснятся мне вновь? Чистое безумие, даже на мой пристрастный взгляд.

Глава 8

Два фонаря у входа в католическую церковь Святой Паулы на углу 70-й и Мэдисон бросали блики на пыльные ступени. Когда я толкнула тяжелую деревянную дверь, в воздухе разлился слабый запах ладана и пробудил множество воспоминаний. С Патриком мы ходили в церковь почти каждое воскресенье, но после его смерти я не могла уразуметь, как это Бог допустил смерть моего мужа. И просто перестала ходить к мессе, а теперь вот ощутила себя виноватой при виде распятия.

– Прости, – пробормотала я. Я так гневалась на Бога – а что, если именно Он помог мне теперь заглянуть в ту жизнь, которая могла быть у нас с Патриком? Кто, если не Он, способен стереть грань между мертвыми и живыми?

– Ищите курсы языка глухонемых? – окликнул чей-то бас.

Я резко обернулась и увидела возле открытой двери, слева от крыльца, мужчину в очках, с квадратным подбородком и светлыми седеющими волосами. Я кивнула, и он улыбнулся:

– Когда поговорите с Богом, вы сможете нас найти в цокольном этаже. Добро пожаловать.

Не дожидаясь ответа, он скрылся в коридоре. Я еще раз оглянулась на распятие, ощущая себя дурой, и поспешила следом.

В маленьком церковном подвале три женщины и один мужчина сидели на складных стульях. В центре комнаты перед поставленной на мольберт большой доской стоял уже виденный мной мужчина со светлыми волосами. Одна из женщин, с виду – моя ровесница, с темными прямыми волосами, приветливо мне кивнула. Мужчина обернулся от доски:

– Вероятно, вы – Кэтрин Уэйтмен.

– Кейт, – уточнила я.

– Добро пожаловать в наш класс, Кейт, – сказал он, отложил маркер, и я увидела, что на доске написано несколько фраз. – Я – Эндрю Хенсон, ваш преподаватель. Мы начали на прошлой неделе, но, если вы задержитесь на несколько минут после занятия, мы с вами все наверстаем. Годится?

– Большое спасибо. Извините, что не начала вместе со всеми.

– Главное, что теперь вы тут. – Он обернулся к классу и добавил: – Ждем Вивиан и приступаем.

Вернувшись к доске, он продолжил писать: «Я тебя люблю», «Нью-Йорк», «Меня зовут...» и «Хорошего вам дня». В тот момент, когда он добавлял вопрос про погоду, темно-волосая женщина придвинулась ко мне.

– Я Эми, – сообщила она.

– Кейт. – Мы пожали друг другу руки. – Вы были на прошлом занятии?

Она кивнула:

– Я работаю в банке. Решила освоить основы языка жестов, потому что у нас среди постоянных клиентов есть слабослышащие.

– Это вы хорошо придумали.

– Я соврала. – Она пожала плечами. – То есть в банке я работаю, но моя подруга училась на этих курсах в прошлом семестре и сказала, что учитель – красавчик. Я и подумала, стоит заплатить за курсы и убедиться своими глазами.

Я улыбнулась и тоже перевела взгляд на Эндрю, который тасовал пачку карточек.

– Да, он симпатичный, – признала я. – Тип безумного профессора.

– При условии, что безумного профессора играет Мэтт Дэймон, – рассмеялась она. – Но у вас ведь уже есть жених? Вот и хорошо, мне соперницы ни к чему.

Я глянула на левую руку и почти испугалась при виде кольца.

– И правда! Пока еще не привыкла к обновке.

– Вам повезло, – сказала она. – Пока найдешь себе пару в Нью-Йорке, замучишься. Держитесь за своего парня.

Я с трудом улыбнулась: от такого разговора стало не по себе, тем более что пришла я сюда ради бывшего мужа, а не ради будущего.

– Буду держаться, – ответила я и вежливо добавила: – И вы своего, конечно же, скоро найдете.

Она покосилась на Эндрю и пробормотала:

– Или уже нашла.

Наш диалог прервало появление женщины лет шестидесяти с лишним, с крашеными волосами морковного цвета. На ней была длинная лиловая юбка, черный свитер, зеленый шарф струился до самого пола.

– Простите за опоздание! – воскликнула она, переводя дух. – Начинайте, начинайте, меня не ждите.

Эндрю улыбнулся ей.

– Вивиан! – сказал он и что-то добавил на языке жестов, пока женщина устраивалась справа от меня.

Она глянула с недоумением.

– Наверное, это означает: «Сумасшедшая тетка, научись же приходить вовремя», – предположила она.

Он рассмеялся:

– Вообще-то это означает всего лишь: «Добро пожаловать на занятие».

Она громко выдохнула, изображая облегчение, и вытерла лоб тыльной стороной ладони. Эндрю еще немного подождал, пока Вивиан нащупала в бездонной сумке ручку и блокнот.

– Леди и джентльмены, добро пожаловать на второе заседание курсов американского языка жестов для начинающих! – провозгласил он, а затем поочередно глянул на каждого из присутствующих: – Вивиан, Эми, Дайана, Ширли, Грег, – вы все начали это путешествие на прошлой неделе. Давайте поприветствуем от души нашу новую студентку Кейт!

Я ожидала хора приветствий или легких аплодисментов, но Вивиан и Эми помахали мне рукой, а остальные поднесли к груди правую руку ладонью вверх. Я оглянулась на Эндрю – он широко улыбнулся в ответ:

– Кейт, Вивиан и Эми сказали вам «Привет», а остальные – «Добро пожаловать».

Затем он вновь обратился к ученикам:

– Отлично, друзья. Вижу, что-то из прошлого урока вы запомнили. Кейт, попробуйте ответить: «Привет».

Я медлила, чувствуя свою неуклюжесть, но Вивиан ободряюще улыбнулась, и я слабо помахала ей рукой.

– Хорошее начало, Кейт, – похвалил меня Эндрю, – только держитесь увереннее. В американском языке жестов неуверенность, смазанные жесты, как я это называю, – все равно что бормотание себе под нос. Показать вам, как нужно поблагодарить сокурсников?

– Ну да, конечно, – сказала я.

– Смотрите. – Он поместил правую ладонь перед подбородком, чуть ниже губ, и повел ею вперед, словно посылая воздушный поцелуй. – Это значит «спасибо», – пояснил он. – Попробуйте.

Я неуверенно поднесла руку к подбородку, но Эндрю следил за мной, подняв бровь: никакой смазанности! И я завершила жест решительным движением вперед, послав воздушный поцелуй.

– Прекрасно! – похвалил он. – У вас врожденный талант. А теперь, друзья, сделаем так: те базовые выражения, которые мы проходили в прошлый раз, я покажу Кейт после урока, а сейчас нам, я думаю, имеет смысл выучить алфавит, и под конец занятия пусть каждый из вас

скажет, какую фразу он бы хотел выучить, и я ее покажу. Так что, пока учим алфавит, думайте о своей заветной фразе.

Эндрю раздал нам карточки с жестами для каждой буквы и весь следующий час учил с нами алфавит и терпеливо добивался, чтобы мы повторяли ему каждый знак. Казалось бы, скучное занятие, но Эндрю смешил нас, показывая всевозможные шутки и каламбуры на языке глухонемых: например, изобразил правой рукой «е», левой «щ» и стукнул одной о другую.

– Вот вам «еще чего» на языке жестов, – ухмыльнулся он.

Весь урок он пересыпал объяснениями, для чего мы учим буквы:

– Большинство людей, общающихся на языке жестов, владеют примерно десятью тысячами знаков, а многие знают и того меньше. Однако в английском языке имеется около четверти миллиона слов, из которых примерно сто пятьдесят тысяч находится в активном употреблении. Сами подумайте, какая диспропорция. Вот почему важно знать буквы, на случай, если понадобится сообщить свое имя, какое-то название или же обозначить слово, которое вы пока не выучили. Для новичков вроде вас алфавит – главная страховка. Не знаете слова – семафорьте по буквам.

Он велел нам потренироваться друг с другом, а сам на минутку вышел позвонить. Работая в паре с Вивиан, я по-настоящему прониклась красотой языка жестов. Такие грациозные, изящные движения – слово за словом! Однако к тому времени, как Эндрю вернулся, мы с Вивиан уже забыли про изящество и всю изобразили «Еще чего!», хихикая, словно малолетки.

– Так, – сказал Эндрю, возвращаясь в комнату и весело поглядывая на нас. – Вижу, «еще чему» вы все научились. А теперь, в завершение сегодняшнего урока, давайте выучим с каждым фразу по выбору. Что бы вы хотели научиться говорить? Кто первый?

Грег – парень лет двадцати пяти – поднял руку и, дождавшись кивка Эндрю, сказал, что хочет научиться говорить: «Помочь вам донести покупки?»

– У меня в подъезде на четвертом этаже живет глухая девушка, – пояснил он, краснея. – Хочу пообщаться с ней.

Эндрю кивнул, улыбнулся:

– Повторите. – Он указал на Грега, крутанул рукой перед лицом по часовой стрелке, сомкнул и снова раскрыл пальцы и вновь указал на Грега. Он велел Грегу повторить это движение несколько раз, затем то же самое сделали все мы.

– Теперь вы все умеете говорить «Ты красивая» – думаю, именно это Грег хотел сказать на самом деле.

Мы все засмеялись, а Грег покраснел еще сильнее, но заулыбался.

– А теперь, если настаиваете, выучим и фразу про покупки.

Мы все повторяли за ним движения, потом Эми спросила, как сказать «Могу ли я чем-нибудь помочь?», а Ширли, плотная седеющая дама, поинтересовалась, как узнать, где здесь парк. Дайана, лет сорока пяти, выбрала фразу: «У моего племянника снижен слух».

– Вот что, друзья, в прошлый раз мы это не обсуждали, так что удачно, что Дайана об этом заговорила, – сказал Эндрю. – Как видите, Дайана уже знает, что теперь принято говорить «снижен слух». Как вы помните, раньше говорили «слабослышащие», но теперь этот термин вышел из употребления, поскольку имеет негативный оттенок – подразумевается, что человеку чего-то не хватает. В настоящее время большинство людей со сниженным слухом предпочитают именно такое выражение. Вот как это показать: складываете пальцы как для буквы Н и быстро передвигаете вправо.

Он сложил вместе указательный и средний палец правой руки, направив их в нашу сторону, и провел ими в воздухе дугу слева направо. А потом спросил Вивиан, чему она хочет научиться. Она выбрала фразу «Живи долго и процветай», и он показал нам, как сказать это

на языке глухих, а потом посоветовал использовать вулканский салют из «Звездного пути», и мы все снова расхохотались.

Настала моя очередь.

– Какую фразу хотите выучить вы, Кейт? – спросил Эндрю.

Я набрала в грудь побольше воздуха:

– Научите меня, пожалуйста, как сказать: «Извини, что вела себя странно».

Именно это я хотела бы сказать Ханне, если снова ее увижу. Ей ведь показалось странным, что я разучилась говорить с ней на языке глухих, и надо попросить за это прощения.

Эндрю посмотрел на меня с удивлением, но кивнул. Мне следовало указать пальцем на себя, потереть правым кулаком грудь над сердцем, затем снова указать на себя, дважды легко провести большим пальцем по указательному и наконец, скрючив пальцы, поводить рукой вправо-влево перед лицом, шевеля при этом указательным, средним и безымянным.

– Молодец, – сказал он, когда я дважды правильно повторила всю последовательность. – Хватаете на лету! Задержитесь после урока ненадолго, Кейт. Я вам кратко изложу, что было на прошлом уроке, – уверен, вы это быстро усвоите.

Напоследок он подмигнул Вивиан и отсалютовал по-вулкански, а затем распрощался до следующей недели.

– То же время, то же место. А пока отрабатывайте буквы и фразы, – сказал он. – Повторенье – мать ученья, как в любом другом языке.

Я попрощалась с Вивиан.

– Повезло, останешься наедине с Эндрю, – проворчала Эми. – Пожалуй, я прогуляю следующее занятие и тоже получу личный урок.

Я засмеялась и помахала ей рукой.

Когда я обернулась, Эндрю глянул на часы, и я подумала было, что он отменит урок, потому что торопится. Но он сказал:

– Есть хочется. Может быть, сходим перекусить, а заодно и обсудим прошлый урок?

Я не сразу ответила. Уже и не помню, когда в последний раз ела вне дома с другим мужчиной, не с Дэном. К тому же мне не терпелось вернуться домой, напиться и лечь пораньше в постель – вдруг я снова проснусь в том невозможном мире, где Патрик жив?

– Я не кусаюсь. – Эндрю явно уловил мои опасения и добавил: – Тут рядом есть пара забегаловок. За полчаса уложимся. А то я рухну к вашим ногам, если не поем. Угощаю.

Я натянуто улыбнулась. В самом деле, я веду себя глупо.

– Да, конечно. Я тоже проголодалась. Только платить за меня не надо.

Следуя по пятам за Эндрю – по лестнице, затем в притвор церкви, – я невольно оглянулась через плечо на распятие над алтарем.

– Вернуться никогда не поздно, – сказал Эндрю.

Оказывается, он все подмечает.

– Мысли читаете? – спросила я.

Он пожал плечами:

– Нет, просто я такой же: слегка отклонился от курса.

Тут мы вышли на улицу.

Глава 9

Мы заглянули в закусочную в нескольких шагах от церкви.

– Предупреждаю, – Эндрю придержал передо мной дверь, – здесь подают лучшие жирные бургеры на всем Манхэттене. А то и во всем штате Нью-Йорк.

Официантка провела нас к столу, мы сели, и Эндрю отказался от меню:

– Я и так знаю, что закажу.

– А вашей девушке? – спросила официантка.

Эндрю усмехнулся:

– Наверное, ей меню понадобится.

– Я не его девушка, – зачем-то сообщила я официантке. – Но он говорит, бургеры тут замечательные, – поспешила я добавить, чтобы не выглядеть полной идиоткой. – Так что мне то же, что ему.

– В таком случае два бургера, – подытожил Эндрю. – Средней прожарки, оба с вашим домашним соусом и яичницей. И две черри-колы.

– Черри-колы? – переспросила я, дождавшись, чтобы официантка отошла.

– Вы признаете, что это лучший напиток во вселенной: они добавляют настоящий вишневый сироп, как в газировке из автомата.

Я почувствовала, что улыбаюсь:

– Ладно, согласна. Но яичница к бургеру?

Эндрю театрально вытаращил глаза:

– Вы никогда не пробовали бургер с яичницей? Кейт, ваш мир сейчас изменится раз и навсегда!

Официантка принесла два гигантских стакана красноватой колы, и, пока мы ждали еду, Эндрю протянул мне тонкую стопку карточек с изображениями знаков и с пулеметной скоростью принялся объяснять.

– Как я уже говорил группе на прошлой неделе, – сказал он, – правила грамматики в американском языке жестов несколько отличаются от стандартной английской грамматики, то есть в некоторых фразах прямое дополнение может стоять впереди, хотя для нас привычно, чтобы прямое дополнение следовало за глаголом.

– Я эти термины несколько подзабыла, – призналась я.

– Ничего страшного. Вот пример. Мы говорим: «Я люблю бургер». И на языке жестов тоже можно построить фразу таким образом, но правильно будет и «Бургер я люблю» или даже «Бургер люблю я». – Он продемонстрировал мне эту фразу, сложив ладони и как бы хлопнув ими дважды в горизонтальной плоскости, в первый раз правая рука поверх левой, во второй раз – наоборот, словно пирожок лепил. – Это «бургер», – пояснил он. – А это – «Я люблю». – И он скрестил руки на груди, а потом указал на себя.

– Мастер Йода так разговаривает, – припомнила я.

– А, эта женщина смотрела «Звездные войны»! Отлично! – обрадовался Эндрю. – Именно мастер Йода.

Затем он объяснил, как важно, общаясь на языке жестов, смотреть в глаза: отсутствие такого контакта воспринимается как неуважение.

– Многие думают, что язык жестов сводится к движениям собственно рук, – рассуждал он, – а это вовсе не так. Важно и выражение лица, и движение губ. Представьте себе обычный разговор: мы передаем свои чувства интонацией. Верно? Общаясь на языке жестов, мы не имеем возможности повышать голос и тому подобное, и полностью полагаемся на зрительный образ. Поэтому выражение лица тоже входит в «грамматику» этого языка. Но, как я уже сказал на прошлом занятии, это мы будем осваивать постепенно.

Как раз посреди основного раздела его лекции – о пяти ключевых элементах языка, то есть о положении пальцев, положении руки, ориентации ладони, движении руки и выражении лица – официантка принесла нам бургеры.

– Прервемся и расправимся с ними? – предложил Эндрю.

Я поглядела на свой бургер: булочка-претцель, котлета, яйцо, салат, лук, маринованные огурцы – высоченная пирамида, истекающая жирным соком.

– Похоже, самая что ни на есть полезная пища.

Он поднял бровь:

– Как известно, в среду калории не считаются. – И, не дожидаясь ответа, впился зубами в свой бургер, застонав от наслаждения.

Рассмеявшись, я последовала его примеру. И да, было потрясающе вкусно.

– Моему мужу понравилось бы, – пробормотала я, сама не соображая, что говорю.

Эндрю покосился на мое кольцо:

– Приведите его сюда.

Щеки у меня запылали, ведь я думала о Патрике, а не о Дэне, который в рот не берет красное мясо.

– Нет-нет, я не замужем, – сказала я наконец. Полная бессмыслица, ведь минуту назад я упоминала мужа.

Склонив голову набок, Эндрю дожидался пояснений.

– Я помолвлена. Но он пока еще не муж.

– Но бургеры любит, – подсказал Эндрю, словно пытаюсь разговаривать ребенка-аутиста.

– Нет! – Щеки у меня горели. Придется объяснить, почему я заговорила о муже, которого потеряла двенадцать лет назад. Но мы с Эндрю едва знакомы! Так что я отделалась смешком: – Простите. День был трудный.

Он улыбнулся, хотя все еще озабоченно поглядывал на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.